59 4/36

594/36

Р. Ѳ. Брандтъ.

О ЛЖЕНАУЧНОСТИ НАШЕГО ПРАВОПИСАНІЯ.

(Публичная лекція).

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

Оттискъ изъ I—II в.в. «Фил. Зап.»

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева
1901.

Р. Ѳ. Брандтъ.

О ЛЖЕНАУЧНОСТИ НАШЕГО ПРАВОПИСАНІЯ.

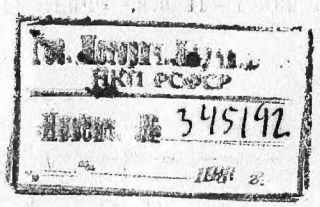
(Публичная лекція).

Оттискъ изъ I—II в.в. «Фил. Зап.».

135/5

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 14 марта 1901 г.



О ненаучности нашего правописанія.

(Публичная лекція) [1].

„Который изъ двухъ русскихъ языковъ настоящій: тотъ ли, который пишется, или тотъ, который слышится? Вл. Петр. Шереме[illegible]. Къ вопросу объ однообразіи въ орѳографіи". Соч. стр. 260.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР

Милостивыя Государыни и милостивые Государи! Темою для настоящаго чтенія я взялъ [illegible]съ о русскомъ правописаніи,—вопросъ, который [illegible]аетъ меня уже много лѣтъ, и по которому у меня [illegible]лось немало соображеній, коими я отчасти ужъ и [illegible]ся съ другими: устно, на лекціяхъ, и печатно, въ [illegible]скомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», а также въ [illegible]й петербургской газетѣ—въ «Новостяхъ» [2].

Правописаніе—это такая область, гдѣ житейская [illegible]ктика соприкасается съ научною грамматикою и не[illegible]ъ обращается къ ней за справками: ка́къ то́ или [illegible]ое слово пишется большинствомъ, ка́къ оно писалось [illegible]старину, и какія основанія писать его та́къ или иначе заключаются въ его происхожденіи? Спецьялисту по языку поэтому несомнѣнно подобаетъ имѣть о правописаніи свое сужденіе, и на немъ лежитъ даже нѣкоторая

[1]) Лекція эта печатается въ нѣсколько распространенномъ видѣ.

[2]) «Мнѣніе г. Тулова» (и, по поводу его, мое собственное) «о русском правописаніи». «Русскій Филологическій Вѣстникъ», т. V, 1881 года.—«Об устраненіи ъ». Тамъ же, т. XIV, 1885 г. «Новости», въ маѣ 1886 года.

обязанность не скрывать этого сужденія отъ общества [3]).

Правописаніе, какъ извѣстно, различаютъ двоякое: звуковое, или фонетическое, и производственное, или этимологическое; или же—троякое, при чемъ къ двумъ названнымъ правописаніямъ присоединяется еще третье,—историческое. Въ такихъ разновидностяхъ правописаніе можетъ являться и въ видѣ цѣлой системы, и въ начертаніи отдѣльныхъ словъ; впрочемъ, въ цѣломъ правописаніе не бываетъ столь послѣдовательнымъ, чтобы вполнѣ представлять тотъ или иной типъ. Еще слѣдуетъ отрицать самое существованіе правописанія «историческаго», какъ совпадающаго или со звуковымъ, или съ производственнымъ. Мы по преданію, потому что встарину такъ писали, пишемъ въ словѣ «источникъ» предлогъ **изъ** съ буквою **с**, но такое историческое начертаніе соотвѣтствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ старинному да и теперешнему произношенію, и есть, значитъ, звуковое. Мы исторически пишемъ въ словѣ «дорожка» букву **ж**, но это историческое написаніе слѣдуетъ признать и производственнымъ, такъ какъ оно указываетъ на то, что произносимый здѣсь звукъ **ш** развился изъ болѣе ранняго звука **ж**. Есть, правда, случаи, гдѣ мы держимся ходячаго начертанія, противорѣчащаго и произношенію слова, и происхожденію его: это тѣ случаи, въ которыхъ сказывается мудрствованіе какого-нибудь малосвѣдущаго грамматиста, переходившее затѣмъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Таково написаніе превосходныхъ степеней—«высшій» и «низшій» че-

---

[3]) Понятно, излагаемые мною взгляды по большей части представляютъ лишь повтореніе чужихъ воззрѣній; но было бы невозможно, да едвали и нужно, всегда указывать ихъ источники.

резъ **с** и **з**, тогда какъ этимологія (въ первомъ словѣ и выговоръ) требуетъ иного написанія, а именно **шш и жш**. Въ древности здѣсь были **шьш** и **жьш** («вышьшии» и «нижьшии» — винительные падежи, замѣнившіе у насъ также именительный); при томъ **ш** и **ж** до сихъ поръ явственно выступаютъ въ сравнительныхъ степеняхъ «в ы ш е» и «н и ж е». Итакъ, въ превосходныя степени «высшій» и «низшій» **с** и **з** внесены лишь по недоразумѣнію, изъ положительныхъ «высокъ» и «низокъ» — это случай узаконенной употребленіемъ безграмотности. Неужели же умѣстно давать проявленію полузнанія громкую кличку «исторической» орѳографіи?!

Такимъ образомъ, особаго историческаго правописанія не существуетъ, а есть лишь звуковое и производственное. Изъ этихъ двухъ, по моему глубокому убѣжденію, заслуживаетъ рѣшительнаго предпочтенія звуковое. Вѣдь мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, значитъ, и естественно писать такъ, какъ говорятъ. Не будь разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, никому бы и въ голову не пришло оспаривать это положеніе, которое можно назвать аксьёмой. Само собой разумѣется, что пишущій не станетъ воспроизводить недостатковъ своего произношенія: если кто заикается, онъ (понятно) воздержится отъ заиканія хоть на письмѣ; если кто картавитъ, онъ не исключитъ изъ своей азбуки непроизносимой имъ буквы.

Неразъ приходится слышать, будто звуковое правописаніе невозможно, потому что произношеніе неодинаково. На это прежде всего слѣдуетъ отвѣтить, что этимологическое правописаніе столь же невозможно, ибо мы часто не знаемъ происхожденія словъ; а затѣмъ слѣдуетъ указать, что неодинаковость произношенія сильно преувеличиваютъ. Вообще говоря, русское про-

изношеніе достаточно установилось, и колебанія замѣчаются лишь въ немногихъ случаяхъ; при томъ, по принципу звукового правописанія, разъ существуетъ колебаніе въ выговорѣ, оно не только можетъ, но даже должно проявиться и на письмѣ. Если не считается ошибкой произносить «сѣмъ», тогда какъ другіе говорятъ «сёмь», то незачѣмъ считать ошибкою обозначеніе твердости и на бумагѣ; если одинаково правильнымъ признается выговоръ «звёзды» и «звѣзды», то по фонетическому способу обязательно и двоякое написаніе. Такое воспроизведеніе выговора особенно желательно въ стихахъ: при теперешнемъ правописаніи можно прочесть несогласно съ произношеніемъ поэта и этимъ уничтожить риѳму. Употреблена напр. риѳма «звёзный—грозный», и, если мы прочтемъ «звѣзный», то риѳмы не будетъ; или же авторъ, напротивъ того, произносилъ ѳ, риѳмуя «звѣздный—желѣзный», и риѳма пропадетъ, если читать «звёзный». Подобнымъ же образомъ двоякое начертаніе при двоякомъ произношеніи одного и того же слова было бы весьма кстати въ риѳмахъ: «безупрёченъ—непороченъ», «безупреченъ—незамѣченъ», «рука её—кольцо мое», «рука ея—любовь моя», «конешно—успѣшно», «конечно—вѣчно»; «она сдалась—разъ», «она сдалась—князь» [4]). Иногда въ такихъ случаяхъ можно даже, по винѣ нашего этимологическаго правописанія, усумниться въ намѣреніяхъ автора. Какъ, спрашивается, Пушкинъ произносилъ 1-ую строфу своего знаменитаго «Анчара», гдѣ при обыкновенномъ произношеніи не хватаетъ одной риѳмы?

---

[4]) Вопроса о томъ, насколько нѣкоторыя произношенія книжны и искусственны, вслѣдствіе чего лучше отъ нихъ воздержаться, я здѣсь не затрогиваю.

«Въ пустынѣ чахлой и скупой, На почвѣ, зноемъ раскалённой, Анчаръ, какъ грозный часовой, Стоитъ, одинъ во всей вселенной». Провинился ли поэтъ въ этомъ мѣстѣ мнимою, буквенною, риѳмой, или же онъ произносилъ «вселённая», или, напротивъ того — «раскаленной»? Что́ думалось (въ болѣе скромномъ родѣ столь же, если не болѣе великому) Крылову, когда онъ писалъ: «Разсѣлись, начали квартетъ; Онъ всё-таки на ладъ нейдётъ»? Про Пушкина, впрочемъ, есть (не знаю, насколько достовѣрное) преданіе, что онъ допускалъ искусственный выговоръ съ е вм. «ё», значитъ, въ данномъ случаѣ «раскаленный» [5]). Читая у Хомякова (Ода)— «Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ, Вотъ пушекъ ревъ на высота́хъ», задаешься вопросомъ, допустилъ ли стихотворецъ нечистую риѳму «шак-высота́х», или же онъ произносилъ, по южно-великорусскому способу, «шах»? Также внутри стиха, и даже въ прозѣ, можетъ быть небезынтереснымъ знать въ такихъ случаяхъ выговоръ самого автора. Въ примѣръ позволю себѣ привести два собственныхъ стиха, изъ привѣтствія покойному Аѳ. Аѳ. Фету. «Такъ звѣздный хоръ горитъ высоко Надъ доломъ плача и заботъ». Теперь я говорю въ этомъ случаѣ «звѣзный», попривыкши къ такому произношенію въ Москвѣ и находя, что въ приведенныхъ стихахъ и такъ слишкомъ преобладаетъ звукъ о, прежде же я произносилъ всегда «звёзный». Что орѳографія молчитъ относительно подобныхъ вещей у Пушкина и другихъ образцовыхъ писателей—это отнюдь

---

[5]) Такова была, видно, литературная мода: одинъ критикъ даже упрекалъ того же Пушкина за «мужицкую» риѳму «языкомъ—копіёмъ» («Русланъ и Людмила», III). Бѣлинскій, Сочиненія. Часть VIII. Москва 1860. Стр. 423.

не заслуга [6]). Заговоривъ о правописаніи въ стихахъ, укажу еще нѣсколько случаевъ, гдѣ несогласное съ выговоромъ письмо ведетъ къ невѣрной оцѣнкѣ стиховъ или же къ невѣрному ихъ построенію. Одинъ критикъ, подъ вліяніемъ орѳографіи «граціозный», упрекнулъ гр. А. Толстого за слѣдующіе стихи: «Тѐ молодой былъ женщины портретъ Въ грацьозной позѣ» («Портретъ», 20), тогда какъ «грацьёзный»—обыкновенное произношеніе, согласное съ французскимъ gracieux, итальянскимъ grazioso, нѣмецкимъ graziös: нигдѣ і, при непринужденномъ выговорѣ, слога не составляетъ. Слово «театръ» въ живой рѣчи 3-сложное, «Петръ, смотръ» — 2-сложныя (лишь въ тѣсномъ сліяніи съ гласнымъ началомъ слѣдующаго слова—напр., Петр уѣхалъ—возможенъ иной выговоръ) [7]); однако, подъ давленіемъ письма, наши стихотворцы не признаютъ этого. Бенедиктовъ, въ стихотвореніи: «Малое слово о Великомъ», сочинилъ такую строфу: «Тамъ взрываетъ ка́мней груду, Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ; А межъ тѣмъ наука всюду, И въ наукѣ всюду Петръ»—двусложная (женская) риѳма «смотръ—Петръ» здѣсь пошла за односложную (мужескую). Такимъ же образомъ Пушкинъ употребилъ женскую риѳму на «измъ»: «Лордъ Байронъ, прихотью удачной, Облекъ въ унылый ′романтизмъ И безнадежный эгоизмъ» («Евг. Он.», гл. III, стр. 12). Особенно нехорошо, когда такія слова стоятъ внутри стиха, пе-

---

[6]) Припомнимъ кстати также пушкинскія риѳмы: «скучны (съ ч?)—неразлучны» и «душно—скучно» (надо полагать, съ ш). «Евг. Он.», глава II, строфа 13 и III, 17.

[7]) Говорятъ, правда, также Пётъ-Петровичъ; но вѣдь имя-отчество вообще комкается скороговоркою: Марья Ѳёдоровна превращается въ Мари-Фёдорну, Павелъ Павловичъ—въ Пал-Палыча.

редъ согласными, какъ напр. въ извѣстной эпиграммѣ Батюшкова: «Совѣтъ эпическому стихотворцу»: «Какое хочешь имя дай Твоей поэмѣ полудикой — Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій Ея не называй». Лишь изрѣдка поэты рѣшались руководиться насчетъ такихъ словъ не буквами, а выговоромъ: Алексѣй Толстой позволилъ себѣ (совершенно правильно) написать въ «Смерти Іоанна Грознаго», д. III, сц. 1: «Гдѣ твой Адашевъ, гдѣ Сильвестръ твой»?, а Струговщиковъ, въ двустишіи изъ Шиллера: «Гекзаметръ и пентаметръ»: «Сжатъ и гибокъ, и смѣлъ — вотъ онъ, пентаметръ мой».

Высказанное мною утвержденіе, что существуетъ общерусскій выговоръ, понятное дѣло, относится лишь къ литературному языку; но вопросъ объ особенностяхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ — вопросъ совершенно посторонній, и напрасно его примѣшиваютъ къ вопросу о литературной орѳографіи. Отъ провинціялизмовъ (какъ въ рѣчи, такъ и на письмѣ) люди по возможности воздерживаются, а, если провинціялизмы гдѣ-нибудь проявятся, невольно или намѣренно, то при звуковомъ написаніи будутъ столь же понятны (подчасъ, конечно, столь же непонятны), какъ и въ живой рѣчи. Для провинціяловъ было бы даже очень полезно, если бы правописаніе указывало имъ на литературное произношеніе, и это повело бы къ еще большему единству выговора. Затрудненія при обученьѣ провинціяловъ грамотѣ несомнѣнно будутъ, однако они замѣчаются и теперь: вѣдь и обычное письмо чисто условно миритъ говоры, воспроизводя на бумагѣ произношеніе того или другого говора, а иногда и никакого. Затрудненія эти вызываются различіемъ между народнымъ языкомъ и книж-

нымъ [8]), и они (независимо отъ сохраненія или перемѣны правописанія) могутъ быть устранены двоякимъ способомъ: или составленьемъ азбукъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, или предварительною передъ обученіемъ грамотѣ устною практикою въ литературной рѣчи.

Слѣдуетъ здѣсь же отвѣтить еще на одно возраженіе противъ звукового письма: будто бы оно у насъ невозможно, вслѣдствіе существованія звуковъ неявственныхъ, для которыхъ нѣтъ начертаній въ азбукѣ, и которые даже трудно уловимы. Противъ этого можно сказать, что идеальное совершенство намъ ни въ какомъ дѣлѣ не дается; а, кромѣ того, что вовсе не затѣвается установленіе «фонетической транскрипціи», т.-е. письма, дающаго, съ научною цѣлью, по возможности точное понятіе о русскихъ звукахъ, даже человѣку никогда ихъ не слыхавшему, а имѣется въ виду лишь безхитростное воспроизведеніе живого языка, для житейскаго обихода. При томъ упомянутое затрудненіе касается только буквъ **а** и **о**, съ одной стороны, и **е** и **и**—съ другой: дѣйствительно, если бы писать въ существительномъ «борода» три раза букву **а**, въ повелительномъ наклоненіи «береги»—три раза **и**, это было бы неточно: только конечныя, ударяемыя **а** и **и** этихъ словъ вполнѣ явственны, а въ начальныхъ слогахъ имѣются даже совсѣмъ глухіе звуки. Но какое бы все-таки облегченіе представляло правило писать буквы **о** и **е** лишь тамъ, гдѣ онѣ ясно слышатся, а то

[8]) Произносящій «фатера, флигерь, спинжакъ» ни при какой орѳографіи не можетъ догадаться, что образованные люди произносятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пишутъ «квартира, флигель, пиджакъ».

всегда употреблять **а** и **и**! И того, кто, держась областного произношенія, въ большей или меньшей степени различаетъ безударное **о** отъ **а**, **е** — отъ **и**, новое правило не могло бы затруднить: оно гласило бы для него: «если хочешь писать политературному, то не различай безударныхъ **а** и **о**, **е** и **и**».

Въ этимологическомъ письмѣ усматриваютъ то преимущество, что оно намъ указываетъ на связь между родственными словами. Однако такія указанія—дѣло совершенно безполезное. Обыкновенно при этомъ (употреблю французскую поговорку) взламываютъ отпертую дверь: указываютъ на такую связь, которая и безъ того всякому ясна. Какая надобность подчеркивать родство словъ «лавка» и «лавочникъ», ставя въ обоихъ букву **в**? Вѣдь и самый безграмотный лавочникъ, способный написать слово «лавка» черезъ **ф** или **ѳ**, отлично сознаётъ тѣсную связь, существующую между нимъ и его лавкой. Усумнимся ли мы въ томъ, что фамиліи «Шапошниковъ» и «Посниковъ» восходятъ къ словамъ «шапка» и «постъ», хотя бы (какъ бываетъ часто, чуть ли даже не постоянно) въ первой было написано **шн**, вмѣсто **чн**, а во второй—**сн** вм. **стн**? Смущаетъ ли насъ въ фамиліяхъ «Карзинкинъ», «Тихановъ», «Тиманова» написаніе ихъ черезъ **а** и мѣшаетъ ли догадаться, что они произошли отъ слова «корзинка» и отъ собственныхъ именъ «Тихонъ» и «Тимонъ» съ буквою **о**? Затрудняемся ли мы хоть сколько-нибудь въ пониманіи нарѣчій «гдѣ», «здѣсь» и «вездѣ» тѣмъ, что въ нихъ пишутся по слуху **г** и **з**, а не по этимологіи—**к** и **с**? А вѣдь, не установись эти написанія (въ сущности столь же безграмотныя, какъ «здѣлать» съ **з** вм. **с**) довольно прочно, любители этимологіи приходили бы отъ нихъ въ ужасъ. Какъ можно, восклицали бы они:

отрывать нарѣчіе «кдѣ» отъ мѣстоименій: «кто, который, какой», съ коими оно имѣетъ общій корень, содержащій характерную для вопросительныхъ словъ букву к! Какъ можно отрывать указательное нарѣчіе «сдѣсь» отъ указательнаго мѣстоименія «сей», «весдѣ» — отъ «весь» и «всегда»! Послѣдовательный сторонникъ производственнаго письма долженъ бы возстать также противъ упрощеннаго написанія «если», такъ какъ этотъ союзъ содержитъ глагольную форму «есть». Онъ долженъ бы еще настаивать на употребленіи въ такихъ словахъ, какъ «молодецкій» вм. **ц—чс**, ибо въ нихъ допущено то же сліяніе согласныхъ буквъ, которое считается безграмотнымъ въ какомъ-нибудь словѣ «братскій» [9]).

Прямо вредною я считаю этимологическую орѳографію въ тѣхъ случаяхъ, когда она, указывая на происхожденіе слова, не выясняетъ, а затемняетъ его дѣйствительный смыслъ. Таково написаніе слова «щастье» черезъ **сч**. «Щастье» теперь является просто синонимомъ французскаго fortune, и никому, если не задаваться спецьяльно филологическими цѣлями, и дѣла нѣтъ, что русское слово первоначально означало обладаніе частью, долею, а французское — случай. Положительно напрасно Карамзинъ, а за нимъ Гречъ, возстановили этимологическое **сч** вм. **щ**, и совершенно правы поляки,

---

[9]) Поляки (при однородной съ русскою орѳографіи) дѣйствительно пишутъ bracki черезъ **c**. Ссылаться на то, что первичное «братъ» представляетъ т, а въ первичномъ «молодецъ» уже имѣется ц, не слѣдуетъ: ц въ существительномъ непосредственно произошло изъ к, а въ прилагательномъ получилось изъ чс (сравнимъ «молодечество», а также «греческій» съ разновидностью «грецкій»); наводя на мысль о болѣе тѣсной связи между окончаніями -ецъ и -ецкій, правописаніе вводитъ насъ въ заблужденіе.

когда въ своемъ словѣ szczęście пишутъ тѣ же знаки, коими всегда выражаютъ наше **щ**. Столь же мало заслуживаетъ сочувствія предпринятое покойнымъ академикомъ Гротомъ возстановленіе никѣмъ несознаваемой связи прилагательнаго «затхлый» со словами «дохнуть, духъ, вдохновенный», посредствомъ замѣны его **т** черезъ **д**. Обратимъ здѣсь вниманіе еще на слово «тошно». Это нарѣчіе можно бы привести въ примѣръ того, что звуковое письмо затемняетъ происхожденіе словъ: въ самомъ дѣлѣ, не сразу догадаешься, что «тошно» по этимологическому способу слѣдовало бы писать съ буквою **щ**, и что оно сродни прилатательному «тощій» и существительному «тоска». Однако такая неясность обусловливается тѣмъ, что, водимые нашимъ правописаніемъ на помочахъ, мы не привыкли сами ходить, и не свидѣтельствуетъ о пользѣ, а скорѣе о вредѣ производственнаго письма. То же нарѣчіе «тошно», въ сопоставленіи съ указанными, родственными, но далекими по значеніямъ, словами «тощій» и «тоска», можетъ служить новымъ примѣромъ на порванную этимологическую связь, которую незачѣмъ возстановлять на бумагѣ. Гротъ и сохраняетъ въ данномъ словѣ букву **ш**, хотя съ его стороны это непослѣдовательно.

И сколько вообще въ этимологическомъ письмѣ условнаго и произвольнаго! Намъ говорятъ, что непозволительно въ слогахъ **жы**, **шы** (**жыр**, **шып** и т. п.) писать **ы**, ибо самое появленіе звуковъ **ж** и **ш**, смягченныхъ изъ **г** и **х**, указываетъ на присутствіе тутъ звука мягкаго, а не твердаго. Но вспомнимъ про отсутствіе смягченія въ слогахъ **ки**, **ги**, **хи**, объясняемое только тѣмъ, что они въ древности содержали **ы** и звучали **кы**, **гы**, **хы** (кысть, гынути, хытрыи), что̀ нисколько не мѣшаетъ намъ писать **ки**, **ги**, **хи**! Отчего

бы, значитъ, не допустить написаній **жы** и **шы**, тѣмъ болѣе, что церковное письмо представляетъ иногда такое правописаніе, напр., въ дат. пад. на́шымъ? Не забудемъ еще про одно внѣшнее удобство при употребленіи сочетанія **ш-ы** вм. **ш-и:** въ скорописи не будутъ путаться, какъ теперь, **ши** и **иш**.—Настаивая на необходимостя мягкой гласной въ слогахъ **жи, ши**, мы однако преспокойно опускаемъ букву **ь** въ словахъ въ родѣ «ножка» и «мушка», уменьшительныхъ къ «нога» и «муха», тогда какъ она въ нихъ столь же необходима, чтобы оправдать смягченіе **г** и **х** въ **ж** и **ш**.— Не совершенно ли произвольно принято теперь писать предлоги воз-, из-, низ-, раз- черезъ **с** не только передъ **к, п, т, ф, х, ц** (что̀ согласно и съ выговоромъ, и со стариннымъ обычаемъ), но также передъ **ш, ч, щ**—расширить, расчистить, расщедриться, — гдѣ по является звукъ **ш**, а **с** никогда не писалось? Какъ непослѣдовательно, единственно, чтобы не ставить рядомъ двухъ одинаковыхъ буквъ, допущено исключеніе для буквы **с**, хотя уже Ломоносовъ писалъ «ис-сохнуть, рас-славить»! Просто по недосмотру отъ воз-, из-, низ-, раз- отбились без- и чрез-, изъ коихъ послѣдній имѣетъ даже преимущественное право на букву **с**, такъ какъ первоначально содержалъ именно звукъ **с**, а не **з**, который внесенъ въ него лишь въ подражаніе остальнымъ: при чисто звуковомъ развитіи мы не говорили бы «чрезмѣрный, чрезвычайный», а «чре**с**м-, чре**с**в-». Весьма поучительно также слово «лѣстница», со своимъ **ст**, рядомъ съ глаголомъ «лѣзть—лѣзу» и съ уменьшительнымъ «лѣсенка». Разъ существительное по слуху, вмѣстѣ съ тѣмъ по преданію, пишется съ **с**, такъ отчего бы этого не допустить, согласно произношенію и старинному письму, и

въ неокончательномъ «лѣзть»? Разумно ли, далѣе, настаивать на сохраненіи въ словѣ «лѣстница» буквы т, когда уменьшительное «лѣсенка» произошло отъ «лѣсница», съ выпущеніемъ т, такъ какъ иначе говорили бы «лѣстенка»? Гротъ, въ любопытной книгѣ: «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» Спб., 2-ое изд. 1876, даже изгналъ было т изъ слова «лѣстница» (правда на ошибочномъ основаніи, будто его никогда тамъ не было), впослѣдствіи однако возстановилъ его. Относительно глагола «ращесть» и существительнаго «ращот» тотъ же ученый очень рѣшительно заявилъ, что - какъ явствуетъ-де изъ выговора «разочту» —въ нихъ необходимо писать просто **сч**, а не **зсч**. Это однако вовсе не такъ несомнѣнно. Въ живой русской рѣчи понятіе compter, rechnen, numerare обыкновенно выражается вторичнымъ корнемъ **щит**, гдѣ древній корень **чит**, сохраняемый въ значеніи lire, lesen, legere—читать, сросся съ предлогомъ **съ**: не даромъ же мы говоримъ «сощитать», употребляя два раза одинъ и тотъ же предлогъ **съ**, что̀ возможно лишь потому, что въ глаголѣ «щитать» присутствіе предлога уже не чувствуется. Вслѣдствіе этого «щот» для нашего чутья простое слово, а «ращот» естественно расчленяется на раз и щот.— Всѣ теперь пишутъ прилагательныя (они же нарѣчія) «горячо», «свѣжо» черезъ **о**, но просто забыли допустить это и въ нарѣчіи «еще», которое, не имѣя при себѣ родственныхъ формъ съ буквою **е** (какъ «горячее, свѣжее»), даже съ бо́льшимъ удобствомъ могло бы подчиниться произношенію.—Вотъ какія колебанія и произвольные приговоры являются плодомъ этимологическаго мудрствованія!

Увѣряютъ насъ, будто производственное письмо

между прочимъ полезно тѣмъ, что различаетъ фонетически совпавшія слова—о м о н и м ы. Какъ хорошо, говорятъ, что «душка» отъ «душа» пишется съ буквой ш, «дужка» отъ «дуга»—съ буквою ж! «лечу» отъ «летѣть»—съ буквою е, «лѣчу» отъ «лѣчить»—съ буквою ѣ! «перемѣшка» отъ «перемѣшать»—съ сочетаніемъ ѣш, «перемежка» отъ «перемежаться»—съ еж! Съ торжествомъ указываютъ на французскій языкъ, гдѣ въ одномъ созвучіи sę совпали слова, означающія пять, здоровый, святой, лоно, опоясаный и подпись (латинскія quinque, sanus, sanctus, sinus, cinctus и signum), различаемыя только на письмѣ [10]). —Однако слово употребляется не само по себѣ, а въ предложеніи, такъ что смыслъ его вытекаетъ изъ общей связи и вовсе не нуждается въ поддержкѣ правописанія. Кто же не пойметъ, что въ выражаніи: «они пришли домой», п р и ш л и есть прошедшее время, а въ выраженіи: «пришли мнѣ денегъ» — повелительное наклоненіе? хотя въ обоихъ случаяхъ мы пишемъ совершенно одинаково. Можно даже подобрать фразы, въ коихъ всѣ слова допускаютъ различное пониманіе, но въ цѣломъ даютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Если произнести предложеніе: «Груша, будемъ вмѣстѣ покой месть», то всякій пойметъ, что кто-то предлагаетъ какой-то Аграфенѣ сообща убирать барскую комнату, хотя «груша» могло бы обозначать также извѣстный плодъ, «будемъ» могло бы принадлежать не къ глаголу «быть», а къ глаголу «будить» (на письмѣ—б у д и м ъ), «вмѣстѣ» могло бы составлять не одно нарѣчіе, а два слова, «покой» могло бы обозначать спокойствіе, «месть» могло бы быть не глаго-

---

[10]) Французскія начертанія: c-i-n-q, s-a-i-n, s-a-i-n-t, s-e-i-n, ce-i-n-t и s-e-i-n g.

ломъ, а существительнымъ, въ смыслѣ мщенія. Болѣе того: и по-французски, если мы захотимъ сказать: «его отецъ пять мѣсяцевъ былъ городскимъ головою», наши слова «son père a été maire cinq mois» никѣмъ не будутъ поняты превратно, несмотря на то, что каждое изъ этихъ словъ имѣетъ по крайней мѣрѣ 2 значенія, pär и mär имѣютъ по 3, sǫ—4 [11]), а sę, какъ уже упомянуто—цѣлыхъ 6.

Ну, а если слово все-таки красуется въ совершенномъ одиночествѣ, гдѣ-нибудь на стѣнѣ? Въ такомъ случаѣ, во 1-хъ, обыкновенно нисколько не интересно, что хотѣлъ сказать какой-то прохожій шалунъ; а, во 2-хъ, если мы этимъ заинтересуемся, то шалунъ могъ быть безграмотнымъ или просто разсѣяннымъ и, писавши напр. м-і-р ъ, все же могъ имѣть въ виду не вселенную, а покой и согласіе. Встрѣчаются, правда, иногда такія выраженія, которыя лишь для глаза представляютъ опредѣленный смыслъ, болѣе-менѣе затемняющійся при чтеніи вслухъ. Такъ, мнѣ попалось гдѣ-то выраженіе: «мѣстами оба племени живутъ вперемежку», что, судя по орѳографіи, должно означать, что племена перемежаются, живутъ черезполосно, а не то, чтобы совсѣмъ перемѣшаны. Одно сочиненіе почтеннаго, теперь уже покойнаго ученаго, Александра Аѳанасьевича Потебни, озаглавлено: «Значенія множественнаго числа», при чемъ лишь написаніе показываетъ, что рѣчь идетъ о различныхъ значеніяхъ, а не объ одномъ; таковъ же заголовокъ, выписанный мной изъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «Покушенія на жизнь королевы Викторіи»: прочтя его

---

[11]) Son —свой (его), звукъ, отруби, sont (они) суть; père отецъ, paire пара, païr равный; a имѣетъ, à при, у, во; été бывшій, лѣто; maire городской голова, mère мать, mer море; mois мѣсяцъ, moi меня, я.

не обращая особеннаго вниманія на буквы, я ждалъ извѣстія о новомъ покушеніи, а оказалось, на что глазу намекала уже буква я, что говорилось о нѣсколькихъ прежнихъ покушеніяхъ. Также на одно только зрѣніе разсчитано встрѣтившееся мнѣ гдѣ-то заглавіе: «Болота», тоже изображающее множественное число. Въ той сценѣ шекспировской драмы: «Генрихъ V», когда молодой король, бывшій весьма легкомысленнымъ наслѣднымъ принцемъ, получаетъ въ насмѣшливый подарокъ отъ французскаго короля ящикъ мячиковъ, русскій переводчикъ на вопросъ Генриха: «Что тамъ?» даетъ отвѣтъ: «Мячи, мой государь» —отвѣтъ двусмысленный, при коемъ, если бы эту пьесу поставили, непремѣнно слѣдовало бы достать изъ ящика и показать мячикъ, чтобы публика не подумала, что говорится о шпагахъ. Жуковскій въ одномъ стихотвореніи (Двѣ повѣсти, повѣсть I) употребилъ выраженіе: «золото перетянула Кость» —по связи и по написанію съ а на концѣ можно догадаться, что кость оказалась тяжеле золота, но при чтеніи вслухъ, по непосредственному впечатлѣнію, все-таки выходитъ наоборотъ. Нерѣдко теперь употребляется вновь заимствованное слово «иммиграція» (для понятія, которое легко можно выразить славяно-русскими словами «вселеніе» и «приселеніе»), каковое слово, при непринужденномъ произношеніи—безъ удвоенія м и съ неявственнымъ выговоромъ начальнаго и—совпадаетъ съ противоположнымъ понятіемъ «эмиграціи» (выселенія). Одинъ критикъ упрекаетъ автора разбираемой имъ философской книги, что онъ «вмѣсто не сущій пишетъ несущій», т. е. (какъ ясно для глаза, но не для слуха), что онъ пишетъ слитно то, что принято писать раздѣльно. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ имѣется замаскированное правописаніемъ неудачное

употребленіе словъ и выраженій: вездѣ слѣдовало бы дать рѣчи иной оборотъ [12]).—Когда правописаніе такимъ образомъ скрываетъ отъ насъ недостатки нашего стиля, соблазняетъ насъ къ неяснымъ и неточнымъ выраженіямъ и къ безсознательнымъ, далеко не остроумнымъ каламбурамъ, то не оказываетъ ли оно намъ своими тонкими различеніями медвѣжью услугу? Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ появляется намѣренная игра словъ, нельзя не пожалѣть, если она на письмѣ пропадетъ, Было бы напр. жаль, если бы различное написаніе скрывало отъ глаза совпаденіе въ большинствѣ падежей реченій «мячъ» и «мечъ», на которомъ русскій авторъ, при самостоятельной обработкѣ упомянутой шекспировской сцены, основалъ бы каламбуръ, хоть въ такомъ родѣ: «Государь, ... тамъ мячики». «Ты говоришь мечи? Что жъ? На войнѣ мечи намъ пригодятся, И мы владѣть мечами мастера».

Приведу въ этомъ мѣстѣ также ссылку на китайскій языкъ, при употребленіи котораго, вслѣдствіе чрезвычайной многочисленности омонимовъ, приходится-де иногда просить собесѣдника написать произнесенное имъ слово, чтобы понять, въ какомъ оно употреблено значеніи. Однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такіе казусы выходятъ лишь между людьми книжными, при допущеніи вычуръ и архаизмовъ, и

---

[12]) Такъ, множественное число «значенія», «болота» слѣдовало бы поставить въ другомъ падежѣ (О значеніяхъ, О болотахъ), или снабдить какимъ-нибудь опредѣленіемъ (Различныя значенія, Наши болота), или же допустить народныя, встрѣчающіяся также у писателей, «значенія, болоты». Вмѣсто «болота» можно бы также рискнуть сказать, съ областнымъ удареніемъ, «болота».

что они совершенно аналогичны употребленію нами выраженій «міръ черезъ і съ точкой», «дужка черезъ ж», которыя съ полнымъ удобствомъ можно замѣнить болѣе существенными опредѣленіями «міръ въ смыслѣ вселенной», «дужка отъ дуга».

Иные говорятъ, что звуковое написаніе не облегчитъ чтенія и письма, а затруднитъ. Несомнѣнно, всякій переходъ отъ стараго, привычнаго, къ чему-нибудь новому представляетъ затрудненія, хотя бы новое было гораздо лучше и гораздо проще. Французы, если бы ввести у нихъ фонетическое правописаніе, на первыхъ порахъ, при выраженіи понятія о водѣ, съ бо́льшимъ конечно трудомъ выводили бы и читали бы единственную букву **o**, чѣмъ теперешнія, фонетически и этимологически безсмысленныя, буквы e-a-u; но эта потеря времени впослѣдствіи вполнѣ бы окупилась. Не слѣдуетъ забывать и того, что предлагающіе упростить орѳографію главнымъ образомъ думаютъ о будущихъ поколѣніяхъ и желаютъ избавить ихъ отъ мытарствъ, уже пройденныхъ старшими. При переходѣ отъ одной орѳографіи къ другой нѣкоторое время должны бы употребляться рядомъ двѣ орѳографіи: младшее поколѣніе писало бы поновому, но училось бы читать и постарому; старшее, наоборотъ, оставалось бы при прежнемъ письмѣ, но выучилось бы читать поновому. А читать писанное на родномъ языкѣ можно при всякомъ правописаніи, была бы добрая воля. Въ этомъ смыслѣ мнѣ довелось произвести случайный опытъ надъ однимъ своимъ пріятелемъ, теперь уже покойнымъ, который былъ, правда, человѣкомъ весьма даровитымъ, но не филологомъ по спецьяльности. Пробуя, еще во время своего студенчества, разные пріемы видоизмѣненія русскаго письма, въ томъ числѣ и нѣсколько способовъ передачи рус-

скихъ словъ латинскими буквами, я свои стихи, представлявшіе такое, можно сказать вавилонское, смѣшеніе орѳографій, давалъ читать упомянутому пріятелю, и онъ легко въ нихъ разбирался.

По этому поводу затрону вопросъ о письмѣ церковномъ. Какъ на одно изъ возраженій противъ правописной реформы, въ видахъ облегченія грамоты главнымъ образомъ простому народу, указывалось на то, что реформа едва ли бы могла коснуться читаемыхъ особенно охотно простымъ народомъ церковныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ этихъ книгахъ измѣненіе орѳографіи (хотя оно, понятно, ничѣмъ бы не отразилось на вѣроученіи, ни даже на обрядности) могло бы быть сочтено неумѣстнымъ. Можно, пожалуй, опасаться возникновенія изъ-за такой попытки новаго раскола. Однако развѣ есть надобность писать по-церковно-славянски? А вѣдь трудности какъ гражданской, такъ и церковной грамоты сказываются главнымъ образомъ при письмѣ, и ихъ почти не существуетъ при чтеніи. Къ тому же церковное правописаніе, будучи нѣсколько сложнѣе по большему количеству буквъ, не представляетъ чтецу и тѣхъ немногихъ затрудненій, какія встрѣчаются въ гражданскомъ: удареніе, насчетъ котораго можно иногда усумниться (вспомнимъ хоть фамилію Са́зиковъ, о коей необходимо знать, что она произносится такъ, а не Сазико́въ), въ церковныхъ книгахъ всегда отмѣчается; **е** никогда не произносится, какъ «ё»—по русски, встрѣтивъ напр. названіе куста evonymus europaeus, «бересклетъ», и не зная его изъ живой рѣчи, никакъ не сообразишь, читать ли «бересклет» или «бересклёт»; **чн** никогда не упрощается въ **шн**—по-русски мы лишь изъ обычая знаемъ, что нужно читать «нарошно», но «порочный». Итакъ, церковная грамота, съ одной сторо-

ны, безо всякаго вреда для какихъ-нибудь существенныхъ интересовъ, могла бы быть преобразована или же спокойно можетъ быть сохранена.

Возраженія, дѣлаемыя противъ звукового письма въ иныхъ случаяхъ основаны на привычкахъ, вынесенныхъ изъ обычной орѳографіи. Приходится встрѣчать мнѣніе, будто при именительномъ падежѣ «гот», съ т на концѣ, родительный долженъ бы произноситься «гота», что при словѣ «лошка», съ буквою ш, уменьшительное будетъ «лошечка». Такъ конечно выходитъ потеперешнему, но по звуковому способу за каждымъ измѣненіемъ звука слѣдуетъ измѣненіе буквы. Въ томъ же вкусѣ даже одинъ серьёзный ученый приводилъ противъ сербскаго фонстическаго письма въ доказательство слово левъ, по-сербски лав, род. пад. лава, встрѣченное имъ на одной бѣлградской вывѣскѣ въ видѣ лафа («Код лафа» — «У льва», по-нѣмецки «Zum Löwen»). При чемъ тутъ, спрашивается, характеръ сербскаго письма? Лафа — это попавшій на вывѣску провинціялизмъ, каковые вполнѣ возможны при всякомъ правописаніи: и нашимъ малограмотнымъ простолюдинамъ русское этимологическое письмо нисколько не мѣшаетъ произносить, а при случаѣ и написать «лошечка, шупочка» и т. п. Одно такое слово, «буточка», чуть ли не всѣми (даже образованными людьми), несмотря на употребленіе въ немъ буквы д, произносится со звукомъ т—видно потому, что первичное «буда» утрачено. Обратное явленіе, переходъ т въ д, представляетъ слово «свадьба», съ производнымъ «свадебный», родственное словамъ «сватъ, свататься», но все-таки награждаемое по слуху буквою д. Чехи пишутъ svatba и svatební, хотя тоже произносятъ svadba, а также (хотя, можетъ-быть, не всегда) svadební.

Написаніе свадьба рядомъ со свататься особенно поучительно и доказываетъ полную возможность писать, съ одной стороны, «лотка» съ т, а съ другой—«лодочка» съ д. Мнѣніе, будто перемѣна одной буквы порветъ этимологическую связь, совершенно неосновательно: и не ссылаясь на живую рѣчь, можно сослаться на орѳографію словъ «отверстъ» и «отверстіе» рядомъ съ «отверзу», и «лѣстница» рядомъ съ «лѣзу», а также указать на то̀, что мы нисколько не затрудняемся пропускомъ буквъ и отлично сознаёмъ принадлежность множественнаго числа «сны, псы» къ единственному «сон, пёс»; мужескаго рода «промокъ, умер» къ женскому «промокла, умерла».—Чѣмъ-то ужаснымъ можетъ показаться изображеніе предлога под по звуковому способу въ 4-хъ видахъ: п-о-д (по́дрези), п-о-т (по́тпись), п-а-д (падва́л) и п-а-т (патхо́т). Но развѣ намъ не ясно, что р-а-з (разбить), р-а-с (раскрыть), р-о-з (розвальни) и р-о-с (роспуски) разновидности одного и того же предлога? Здѣсь мы въ колебаніи заходимъ столь далеко, что при прошедшихъ временахъ «роздалъ» и «розлилъ», съ явственнымъ подъ удареніемъ **о**, употребляемъ написанія «раздать» и «разлить» съ **а**. Такимъ же образомъ мы смѣло пишемъ «расписать», несмотря на «роспись», и совсѣмъ не знаемъ, какъ писать «расписаніе»—съ **а** или съ **о** (Совершенно аналогичны «разыскать, розыскъ и разысканіе»). Та же двойственность допущена въ корнѣ глагола «расти», который Гротъ велитъ писать черезъ **а**, несмотря на прошедшее «росъ» и на существительное «ростъ». Какъ примѣръ вполнѣ сознаваемаго тождества, при двойственности написанія, можно указать еще предлогъ при: «принять» и «пріемышъ». Мимоходомъ замѣчу, что въ корнѣ рост, а также въ предлогѣ роз, по

русской этимологіи, слѣдовало бы всегда писать **о**; исключеніе составляли бы лишь нѣкоторыя заимствованія изъ церковнаго языка (разумъ, распря, распять), гдѣ при томъ **а** явственно слышится. Это признавалъ и Гротъ, однако не рекомендовалъ для практики. Нужно ли бы въ такомъ случаѣ, въ видѣ настоящихъ исключеній, сохранить также написанія вóзрастъ и растéніе, соблазнившія покойнаго академика стоять за этимологически-непозволительное расти—я не знаю. Толкуя объ этомъ, мы, какъ неразъ, путаемся въ этимологическихъ соображеніяхъ; при звуковомъ же письмѣ все рѣшалось бы совершенно просто.

Дикими намъ представляются рекомендуемыя мною, вслѣдъ за другими сторонниками упрощеннаго правописанія, начертанья с е т ь, д е л о, м е р а, съ **е** вм. **ѣ** [13]). Но не думайте, чтобы въ этомъ случаѣ возмущалось живое сознаніе русскаго человѣка! Вспомнимъ, что столь же безобразнымъ кажется употребленіе буквы **ѣ** вм. **е** въ словахъ «змей, Алексей, седло, цвелъ», несмотря на то, что эти слова надѣляются ятемъ лишь по недоразумѣнію, вслѣдствіе узаконенной безграмотности. Не возмутится ли наше сознаніе также, уви-

---

[13]) Недавно въ такомъ смыслѣ писали: одесскій профессоръ Воеводскій: «Опытъ упрощенья русскаго правописанья». Одесса 1898; въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» 1899 г.—г. Благовѣщенскій; въ «Филологическихъ Запискахъ» 1899 г., выпускъ III—IV,—г. Гороховъ; въ отдѣльной книжкѣ: «Новое русское правописаніе. Опытъ раціональной орѳографіи. I. Веденіе». Орелъ 1900»—нѣкто В. Кв.; а также г. Колтановскій («Реформа русской азбуки», Винница 1900), допускающій, впрочемъ, нѣкоторую сдѣлку, въ видѣ употребленія **е** съ точкой.

давши ѣ вм. е напр. въ словахъ тѣмя, пѣсокъ, мѣль, мѣлкій, мѣзга, вѣдро, блѣскъ, брѣзжится, дрѣмать, сѣмья, клѣй, клѣщи, кисѣль, капѣль, сулѣя, верѣя, швѣя, врѣдъ, члѣнъ, давѣча? А это все настоящія, этимологически-правильныя написанія! Особенно поучительны слова: «мѣлкой» и «цвѣлъ», гдѣ уже самое произношеніе указываетъ разъ на ѣ, разъ — на е (Существительное «цвѣтъ», правда, издавна содержало ѣ, но родственный глаголъ его не имѣлъ, а представлялъ и—«цвисти» и ь—«цвьлъ»: ь, дающій по-русски е, ё). Знаменательно также, что мы въ глаголы «лѣтати» и «съ-плѣтати», гдѣ ѣ служилъ примѣтою многократнаго вида, преспокойно ввели е изъ просто-несовершеннаго вида «летѣти» и «плести». Еще мы, ничто же сумняся, пишемъ букву е вм. ѣ въ окончаніи словъ «обитель» и «добродѣтель», смѣшивая женское окончаніе -ѣль съ мужескимъ (дѣятельскимъ)—-тель: -атель, -итель, -ѣтель. Страннымъ до безсмысленности могло бы показаться, если бы кто-нибудь въ прилагательныхъ «одесскій, парнасскій» написалъ 3 эса; но разъ мы пишемъ «Одесса» и «Парнассъ» съ 2-мя эсами [14]), а наставка -скій представляетъ третій, то это чудачество было бы вполнѣ въ духѣ обычнаго правописанія. Припомнимъ тутъ и упомянутыя ранѣе начертанія «вышшій» съ двойнымъ ш и «нижшій» съ жш, рѣжущія глаза, но несомнѣнно правильныя. Съ другой стороны, приведу еще начертаніе «петербургскій» съ нѣмою буквою г вм. ж, несмотря на выговоръ «петербуржецъ» — плодъ безграмотнаго суемудрія, къ коему мы однако привыкли такъ, что насъ отъ него нисколько не коробитъ [15]).

[14]) Парнасъ, правда, пишется и съ однимъ с.

[15]) Напротивъ того, какъ сообщаетъ Гротъ («Спорные

Иногда производственное письмо ставитъ намъ крайне трудные или прямо неразрѣшимые вопросы, завязываетъ гордіевы узлы, которые практиками, а отчасти и теоретиками орѳографіи (не исключая и Грота) разрубаются по способу Александра Македонскаго. Ка́къ слѣдуетъ писать: помогать или помагать? Древнему многократному глаголу «магати» свойственно было усиленіе коренного **о** въ **а**, русская же рѣчь, какъ можно думать на основаніи мѣстнаго (о́кальскаго) произношенія и нѣкоторыхъ указаній старорусскихъ памятниковъ, подъ вліяніемъ первичнаго глагола помочь, ввела сюда звукъ **о**, а послѣ, превративъ это безударное **о** на общемъ основаніи въ **а**, возстановила древній выговоръ. Ка́къ же теперь писать этимологически?! Впрочемъ, я склоненъ (становясь на почву ходячаго правописанія) предпочесть обычное начертаніе черезъ **о**, съ тою цѣлью, чтобы здѣсь было примѣнимо правило: «когда ты сомнѣваешься насчетъ гласной буквы, то подбери родственное слово, гдѣ на сомнительную букву приходилось бы удареніе»—помагать рядомъ съ помочь составляло бы исключеніе. Но мы положительно впадаемъ въ вопіющее противорѣчіе, когда пишемъ помогать и въ то же время (съ одобренія Грота!) полагать, макать и касаться.—Еще примѣръ неразрѣшимаго вопроса, хотя и разрѣшеннаго школьной грамматикой. Въ сравнительныхъ степеняхъ «болѣе» и «менѣе» пишется, какъ извѣстно, обычное окончаніе сравнительной степени **ѣ-е**. Однако можно бы писать и **е-е**. Краткія формы «боле, мене» несомнѣнно (что̀

вопросы», 2 изд., стр. 212), публика никакъ не могла помириться съ употребленіемъ въ этомъ словѣ «Отечественными Записками» буквы ж!

въ принципѣ признавалъ и Гротъ) должны бы писаться черезъ **е**: «боле, мене» такія же образованія, какъ «хуже, богаче» (таковы же «дале, доле, тяжеле»). Въ 3 хсложныя «более, менее» они превратились подъ вліяніемъ «сильнѣе, красивѣе» и т. п. формъ. Пусть же теперь мудрый Эдипъ разрѣшитъ, какимъ путемъ это произошло: замѣнилось ли окончаніе **е** другимъ окончаніемъ **ѣе**, въ виду чего надо писать **ѣ-е**, или же, по примѣру этого **ѣе**, къ готовому **е** прибавилось второе **е**, такъ что слѣдуетъ предпочесть **е-е**?!— Подобный же вопросъ возбуждаютъ встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе нарѣчія гдѣ, вездѣ и здѣсь: эти нарѣчія первоначально кончались на **е**, а не на **ѣ**, и писались къде, вьсьде, сьде: **ѣ** очевидно затесался въ нихъ подъ вліяніемъ служащихъ къ нимъ отвѣтомъ или поясненіемъ мѣстныхъ (предложныхъ) падежей «на столѣ, въ окнѣ, при стѣнѣ». Но случилось ли это въ живомъ произношеніи, когда существовалъ еще особый звукъ **ѣ**, или же **ѣ** появился лишь на письмѣ, какъ измышленіе какого-нибудь книжника?— Ка́къ, далѣе, писать слово «лодья»—черезъ **о** или черезъ **а**? Обиходное слово «лодка» указываетъ на **о**; но наше книжное ладья чуть ли не заимствовано изъ церковнаго языка, представляющаго **ла** (Сравнимъ сказанное выше, стр. 22, о словахъ «возрастъ» и «растеніе»).—Еще остановимся на словѣ возмѣстить. Очень вѣроятно, что этотъ глаголъ не произведенъ отъ существительнаго «мѣсто», а вышелъ изъ «возмстить» (или «взомстить»), но мы во всякомъ случаѣ пріурочиваемъ его туда—какъ же теперь быть съ нимъ?

Итакъ, мы убѣдились, что во многихъ случаяхъ трудно или совсѣмъ невозможно рѣшить, какъ писать этимологически; вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что въ

странности для насъ «неправильныхъ» написаній вовсе не отзывается голосъ нашей научной совѣсти или живое сознаніе язычнаго духа, а простая привычка [16]).

Въ виду этого вполнѣ позволительно выдвигать неразъ уже ставившійся вопросъ о реформѣ письма въ фонетическомъ направленіи. Правильно понимаемая наука можетъ только сочувствовать звуковому правописанію: какъ часто намъ приходится жалѣть, что такое письмо не господствовало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Сколько разъ мы, читая рукописи или надписи, задаемъ себѣ неразрѣшимый вопросъ, каково было произношеніе ихъ писцовъ, спрятанное подъ искусственной орѳографіей! Какъ рады мы, когда намъ попадется писецъ безграмотный, проговаривавшійся этимъ произношеніемъ! Даже относительно настоящаго времени, пользуясь записанными въ разныхъ мѣстахъ образцами народной рѣчи, нерѣдко досадуешь, что особенности мѣстнаго выговора скрываются за книжнымъ правописаніемъ. — Съ могущими возникнуть при введеніи новой орѳографіи затрудненьями, а особенно съ тѣми урѣзками и искаженіями, которыя вѣроятно отвоюетъ у ней утвердившійся обычай, при выставленіи теоріи

---

[16]) Этимологическое письмо представляетъ даже нѣкоторую фальшь и лицемѣріе: къ нему и въ общемъ приложимы слова, сказанныя Гротомъ («Спорные вопросы», стр. 137) про употребленіе ѳ: «испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ,... мы хотимъ все дѣло поправить для виду». Приведу еще здѣсь примѣръ вызваннаго производственнымъ письмомъ искаженія фактовъ: намъ говорятъ, что нельзя писать слово «нарочно» съ буквою ш, потому что «к въ ш не переходитъ», тогда какъ въ данномъ словѣ такой переходъ (разумѣется не прямо, а при посредствѣ ч) несомнѣнно произошелъ.

можно и не считаться: не слѣдуетъ самому портить то́, что̀, если вообще войдетъ въ употребленіе, должно быть будетъ, въ большей или мéньшей степени, испорчено другими. Рѣшительно я не сочувствую Гроту, когда онъ въ иныхъ случаяхъ, боясь, что голосъ разума окажется безсильнымъ передъ привычкою, освящаетъ своимъ научнымъ авторитетомъ явныя нелѣпости (напр. написаніе имени Алексѣй черезъ ѣ). Конечно, проводя свой идеалъ въ жизнь, естественно желать, чтобы онъ восторжествовалъ, если не вполнѣ, то хоть отчасти, и поэтому позволительно разсуждать о предвидящихся затрудненіяхъ.

Сторонникамъ звукового правописанія дѣлалось между прочимъ возраженіе, что при провозглашеніи фонетическаго принципа недостаточно разъ преобразовать письмо, а придется по временамъ вновь мѣнять его (Срв. у Грота: «Спорные вопросы», стр. 176). Однако коренное преобразованіе понадобилось бы всего разъ, а потомъ, вслѣдъ за постепеннымъ измѣненіемъ выговора, постепенно измѣнялось бы и письмо. При томъ выговоръ вовсе не мѣняется съ такою быстротой, чтобы надо было опасаться постоянныхъ измѣненій.

Какія же могли бы быть предприняты реформы въ нашемъ письмѣ, съ цѣлью упрощенія его и возможно полнаго сближенья съ выговоромъ?

Можно бы предложить принять латинскую азбуку. Это однимъ ударомъ убило бы всѣ наши лишнія буквы: «твердый знакъ», ѣ, ѳ и «восьмеричное и» рядомъ съ «і десятеричнымъ», коихъ нѣтъ въ латинской азбукѣ, а также и «ижицу», которая, правда, тамъ имѣется въ видѣ ипсилона, у «grec», но тоже исчезла бы, вслѣдствіе того, что ипсилонъ у насъ, какъ и у сѣверо-западныхъ славянъ, сталъ бы обозначать ы. Что̀ касает-

ся недостающихъ въ латиницѣ согласныхъ, то онѣ могли бы быть восполнены по чешскому способу—напр.: буква **с**, обозначая сама по себѣ (независимо отъ положенія) звукъ **ц**, снабженная сверху двумя отростками, читалась бы **ч**. Или можно бы придумать иной способъ дополненія латинской азбуки, употребляя, напр.: **c** по итальянскому обычаю въ смыслѣ **ч** (однако во всякомъ положеніи) и выражая **ц** французскимъ «ç». Не останавливаюсь на этомъ, равно какъ на другихъ подробностяхъ указаннаго проекта, въ виду того, что онъ едва ли можетъ осуществиться. Переходъ къ латинскимъ буквамъ не представлялъ бы, правда, большаго затрудненія, чѣмъ у французовъ, англичанъ и другихъ западныхъ народовъ представило введеніе этой азбуки взамѣнъ сохраняемыхъ до сихъ поръ нѣмцами ломанныхъ средневѣковыхъ буквъ, да и была уже совершена подобная реформа Петромъ Великимъ, при коемъ внѣшнее сближеніе славянскихъ начертаній съ латинскими породило наше гражданское письмо; но можно опасаться, какъ бы въ такой реформѣ не усмотрѣли (конечно, лишь по смѣшенію внѣшности дѣла съ его сутью) какую-то измѣну народности и вѣрѣ.—Другой проектъ. Оставаясь при своей гражданицѣ, провозгласить принципъ фонетическаго начертанія словъ: ловко—ф-к-а, поздно—з-н-а. Наперекоръ Гроту, мнѣ думается, что подобное письмо со временемъ могло бы войти въ употребленіе. Вѣдь произвелъ же у сербовъ эту самую реформу Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Напрасно говорятъ, будто возможное въ маленькой сербской литературѣ было бы невозможно въ русской. Если при большемъ числѣ писателей и читателей явится больше противниковъ преобразованія, то можетъ явиться и больше сторонниковъ, и перевѣсъ въ концѣ концовъ, такъ же, какъ у сербовъ, можетъ оказать-

ся на сторонѣ послѣднихъ. Надъ Караджичемъ первое время издѣвались, упрекали его въ невѣжествѣ, добились даже запрещенія его правописанія, а оно все-таки восторжествовало. Разумѣется, нельзя ожидать успѣха, если оставаться на почвѣ разсужденій и не показывать самому примѣра: совершенно естественно, что Гроту не удалось устранить букву **ъ**, т. к. онъ только говорилъ и писалъ противъ нея, а самъ постоянно употреблялъ ее въ печати.

Главнымъ препятствіемъ къ звуковой реформѣ надо считать то обстоятельство, что настоящее научное изслѣдованіе языка — наука молодая: грамматика до сихъ поръ остается, по старому французскому опредѣленію, «искусствомъ правильно говорить и писать», и многіе, не сознавая, что простѣйшіе элементы языка не буквы, а живые звуки, способны сказать, что «русскому языку свойственны такія-то буквы», въ числѣ которыхъ оказываются, напр., «твердый знакъ» и **ѳ**. Приходится также встрѣчать утвержденіе, будто посягательство на урѣзку русской азбуки есть оскорбленіе памяти великаго изобрѣтателя славянскаго письма, тогда какъ такая реформа будетъ именно въ духѣ св. Кирилла, который не задумался передѣлать стародавнее греческое письмо и примѣнить къ потребностямъ живого славянскаго произношенія.

Стремясь къ звуковому правописанію, мы должны, конечно, провозгласить положеніе, чтобы каждому звуку языка соотвѣтствовала опредѣленная буква — и только одна, а не нѣсколько, каждой же буквѣ — опредѣленный звукъ.

Согласно этому подлежатъ исключенію буквы **ѳ**, **ѵ**, **і**, **ъ** и **ѣ**. Ижица и ѳита, основанья для употребленія которыхъ лежатъ, какъ извѣстно, въ греческомъ языкѣ, въ русскомъ письмѣ совсѣмъ не у мѣста. Первая и могла

уже «считаться исключенною изъ русской азбуки», какъ говоритъ Гротъ въ своемъ «Русскомъ правописаніи», однако нѣтъ-нѣтъ появляется въ печати: многіе признаютъ необходимымъ употреблять ее въ 3 словахъ: синодъ, синклитъ и миро. Давно указано на то, что разъ мы обходимся безъ ижицы въ словахъ: «лира, порфира, ѳиміамъ», которыя тоже имѣютъ на нее право (вспомнимъ хоть французское написаніе lyre съ игрекомъ), то можемъ писать обыкновенное **и** также въ словахъ синодъ, синклитъ и миро. Чтобы мы употребленіемъ ижицы воздавали почетъ нѣсколькимъ высокимъ понятіямъ, я никакъ не могу признать; напротивъ того, появленіе рѣдкой, а потому странной буквы придаетъ слову необычный, чуть ли не комическій видъ. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ церковномъ письмѣ простая ѵ обозначаетъ не **и**, а **в**: вспомнимъ начертанія «**Ἕνα, порфѵ́ра, кѵ̈парі́съ**». Насчетъ опасности смѣшенія косвенныхъ падежей реченія «миро» съ падежами реченій «міръ вселенная» и «миръ спокойствіе» сравнимъ сказанное выше, стран. 17. [17]).—Относительно **ѳ**, которую Гротъ въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» осудилъ на изгнанье, но въ «Русскомъ правописаніи» помиловалъ, слѣдуетъ вспомнить, что, если мы даже обучаемся чужимъ языкамъ (латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому),

---

[17]) Къ числу неудачныхъ выраженій принадлежатъ и державинскіе стихи, въ одѣ: «На шведскій миръ», строфа II, кои можно бы привести въ пользу ижицы: «Въ тебѣ царя, вождя, героя И мироносицу мы зримъ»—мироносицу молъ черезъ **и**, а не черезъ **ѵ**; недаромъ Капнистъ предлагалъ поставить «миротворицу». Гротовское изданіе Державина, томъ I, стран. 309—310.

дающимъ намъ руководство къ употребленію этой буквы, то вѣдь мы обыкновенно раньше обучаемся русскому письму, а масса людей, коимъ тоже не мѣшало бы быть пограмотнѣй, этимъ языкамъ вовсе не учится. Вспомнимъ еще, что мы въ какомъ-нибудь словѣ «театръ» ничѣмъ не отличаемъ начальнаго т отъ обыкновеннаго т, хотя оно и замѣняетъ греческую ϑ, французское и нѣмецкое th. Отмѣтимъ, наконецъ, что итальянцы (а ужъ имъ ли не дорожить преданіями классической древности!) изгнали изъ своего письма сочетаніе th, равно какъ ph, передающее у французовъ и нѣмцевъ греческое φ, а также ипсилонъ (нашу ижицу [18]).

Несомнѣнно подлежитъ устраненію и буква і, хотя противъ нея, къ моему удивленію, возставали довольно рѣдко. Употребленіе двухъ буквъ для одного звука и (не считая при томъ ижицы) представляетъ лишь переживаніе изъ греческой азбуки, гдѣ такое излишество получилось вслѣдствіе совпаденія со звукомъ і древняго долгаго е (η). Въ кирилловской письменности старѣйшаго времени і десятеричное почти и не употреблялось, и усиленное пользованіе имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правило писать его передъ гласными возникаетъ только

---

[18]) Кстати о правописномъ курьёзѣ, представляемомъ именемъ «Ѳедоръ». Настаивающимъ здѣсь на употребленіи ѳ слѣдовало бы настаивать также на употребленіи «ео»: «ё», какъ звуковое написаніе, вполнѣ допустимо, но обычное простое е, позади котораго какъ будто выпалъ ударяемый звукъ о, рѣшительно неумѣстно (Выговоръ ѳьо получился путемъ обезслóженія звука е, путемъ сліянія его съ о). То же самое можно сказать про имя „Семенъ“ — изъ „Симеонъ“.

въ XV вѣкѣ, опять-таки подъ греческимъ вліяніемъ: по свойствамъ греческаго языка древнему і (іотѣ, нашему і съ точкой) часто приходилось стоять передъ гласными, а вторичному и (итѣ, нашему и восьмеричному)— почти никогда. Не безсмысленно ли было перенесеніе этого греческаго правила на славянскіе языки? Ломоносовъ, обыкновенно весьма здраво судившій о языкѣ и правописаніи, насчетъ десятеричнаго і высказалъ («Русская грамматика», § 85) странное соображеніе, будто оно полезно въ тѣхъ—къ тому же весьма немногихъ—случаяхъ, когда грозитъ скопленіе буквы и, каково выраженіе: «по вознесении Иисусовѣ». Дѣйствительно: 4 и подъ рядъ—это нехорошо, но не только для глаза, а также для слуха; тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ выше приведенныхъ сочетаніяхъ словъ, имѣется неисправность въ стилѣ, которую надо бы устранить (сказавъ напр. «по вознесении Христовѣ»), а не скрашивать на бумагѣ. Предлагаю изгнать і, а не другое и, такъ какъ і встрѣчается гораздо рѣже, и такъ какъ его уже устранили изъ своихъ азбукъ сербы и болгары [19]).

Несовсѣмъ въ одинаковомъ положеніи съ ѵ, ѳ и десятеричныхъ і находятся ѣ и ъ. Хотя фонетическій принципъ и надъ ними произноситъ безапеляціонный приговоръ, но они все-таки не представляютъ чужеземныхъ наростовъ, а остатки общеславянской, от-

---

[19]) Другіе противники азбучныхъ дублетовъ, насколько мнѣ извѣстно, всѣ предпочитали і—такъ и выступившій недавно г. Колтановскій. Впрочемъ, г. Всев. Чешихинъ («Славянскій вѣкъ», 1900 г. № 6, стр. 21), въ предлагаемой имъ передачѣ русскими буквами польскихъ и чешскихъ словъ, изгоняетъ і, сохраняя «болѣе привычное русскому глазу» «и»,

части даже общерусской, старины. Заступаясь за ѣ, извѣстный педагогъ Стоюнинъ ссылался на то, что эта буква, хотя бы исключенная изъ азбуки, сохранила бы свое мѣсто въ русской грамматикѣ. Несомнѣнно, лишь существованіемъ нѣкогда особаго звука ѣ объясняется, что мы произносимъ не «свёт, мёра, желёзо», а «свѣт, мѣра, желѣзо»; но изъ этого слѣдуетъ только то, что нельзя обойтись безъ ятя въ высшемъ курсѣ русской грамматики, проходимомъ въ связи съ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ (изъ котораго никто не станетъ изгонять букву ѣ), а вовсе не слѣдуетъ, чтобы ѣ былъ необходимъ въ начальной школѣ и въ житейскомъ обиходѣ; при томъ вѣдь ѣ и е (чему мы видѣли, на стр. 22—23, довольно длинный, хотя еще неполный рядъ примѣровъ) весьма часто употребляются некстати, и поэтому одно изъ первыхъ правилъ при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ запрещаетъ намъ руководствоваться относительно ѣ ходячею орѳографіей, отсылая насъ къ языку старинному, къ старо-церковному и къ другимъ славянскимъ языкамъ. Насчетъ малой полезности ѣ даже для истолкованія словъ я сдѣладъ еще нѣкоторое указаніе въ своей цитованной на стр. 1, прим. 2, статьѣ, стр. 10 (367) [20]), здѣсь же я приведу (по Гроту, «Спорные вопросы», стран. 238) прекрасныя слова Кеневича: «Стоитъ ли учиться тому, что̀, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Стоитъ ли терять время (замѣтьте, лучшее время жизни) на то, чтобы пріобрѣсти навыкъ

[20]) Ниже, стр. 51, прилагается «Дополнительный экскурсъ о буквѣ ѣ».

совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія?»

Перейдемъ къ **ъ**. Этой буквѣ, какъ извѣстно, нѣкогда соотвѣтствовалъ особый, глухой гласный звукъ, который впослѣдствіи въ однихъ слогахъ выпалъ, въ другихъ прояснился въ **о**, и высшая грамматика, путемъ сопоставленія со старо-церковными написаніями, должна выяснять, что этимъ обусловливается бѣглость **о** въ какомъ-нибудь словѣ «посол», родительный падежъ «посла», тогда какъ «стол», гдѣ издавно было **о**, имѣетъ **о** постоянное и образуетъ родительный «стола». Но для выясненья указаннаго явленія наше употребленіе буквы **ъ** вовсе не полезно. Ученики привыкаютъ считать **ъ** не настоящею буквой, а «твердымъ знакомъ», и впослѣдствіи съ трудомъ мирятся съ мыслію, что это была гласная буква, коей соотвѣтствовалъ гласный звукъ. Привычка принимать **ъ** за простой заключительный знакъ особенно рѣзко сказывается въ приложеніи русской азбуки къ языку литовскому, когда въ концѣ какихъ-нибудь «сталасъ» столъ, «сакаласъ» соколъ пишутъ **ъ**: очевидно нисколько не сознаютъ, что **ъ** есть онѣмѣвшее окончаніе именительнаго падежа, которое нелѣпо прибавлять вторично къ уцѣлѣвшему у литовцевъ—**ас**. Если мы въ имени извѣстной оперной героини «Карменъ» пишемъ **ъ**, то опять-таки лишь уклоняемся отъ употребленія въ концѣ слова согласной буквы: ни иностранный выговоръ, ни русская грамматика не требуетъ здѣсь твердаго окончанія—встарину въ такихъ случаяхъ появлялся **ь**: Руѳь, Эсѳирь, Астинь. Мнѣ кажется, что самъ нашъ славный ученый Востоковъ, раскрывшій древнее значеніе буквы **ъ**, находился подъ давленіемъ привычки, когда не назвалъ ее прямо глас-

ною, а «полугласною» [21]). Припомнимъ еще, что буква **ъ** не разъ употребляется нами наперекоръ этимологіи. Послѣ шипящихъ первоначально всегда былъ не **ъ**, а **ь**: самое произношеніе—муж, меч было бы невозможно, если бы тутъ издавна стоялъ **ъ**: тогда произносили бы муг (или муз) и мёк. Далѣе мы должны бы писать **ь**, а не **ъ**, въ глагольныхъ формахъ «дам, ѣм», также въ творительныхъ падежахъ «столом, окном». Окончаніе 3-го лица **т**—идёт, идут—тоже никогда не представляло **ъ**, который затесался въ него лишь, какъ твердый знакъ: встарину тутъ было мягкое окончаніе —**ть**. Когда мы слово «сон», въ древности с-ъ-н-ъ, пишемъ с о н-ъ, то нарушаемъ историческую перспективу: выходитъ, будто въ корнѣ **ъ** перешелъ въ **о**, но въ окончаніи—сохраняется; въ дѣйствительности же конечный **ъ** онѣмѣлъ, и съ этимъ находится въ связи проясненіе срединнаго ера. Въ прошедшемъ времени «пасъ», при сравненіи со старо-церковнымъ «паслъ», замѣчается выпаденіе звука **л**, въ самомъ же дѣлѣ **л** о т п а л ъ, когда, по онѣмѣніи ера, очутился въ исходѣ слова, послѣ другого согласнаго звука. — Итакъ, заключительный **ъ**, будучи всегда лишнимъ, иногда даже вреденъ. Примемъ еще во вниманіе большое сходство твердаго знака съ мягкимъ, вслѣдствіе чего смѣшеніе ихъ является самою обыкновенною опечаткой, и твердость окончаній гораздо яс-

---

[21]) Ужъ несомнѣнно вліяніемъ русской графики объясняется утвержденіе упомянутаго выше, стран. 1, прим. 2, г. Тулова («Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ», стр. 76), будто Св. Кириллъ изобрѣлъ буквы **ъ** и **ь**, чтобы выразить твердый и мягкій выговоръ звуковъ и различную степень ихъ протяженія.

нѣе была бы обозначена отсутствіемъ всякаго знака. Сошлюсь и на то̀, что любители ера могли бы всегда мысленно дополнять его, считая опущеніе его простымъ сократительнымъ пріемомъ [22]). Что касается ъ внутри слова (напр, «объявить, съѣсть»), то вмѣсто него можно писать ь—я это уже и дѣлалъ въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» . Звуковая сторона отъ этого не страдаетъ: выговоръ въ такихъ случаяхъ, правда, не очень мягкій, однако и не твердый: что̀ жъ касается исторической стороны дѣла, то сочетаній ъя, ъѣ въ тѣ времена, когда имѣлся особый звукъ ъ, не существовало, и говорили не «объявити» , а «обавити,» не «съѣсти», а «сънѣсти» .

Устраненіе ѵ, ѳ, і, ѣ и ъ—вотъ желательныя въ русской азбукѣ сокращенія. Но не нуждается ли она, съ другой стороны, въ какихъ-либо дополненіяхъ? Да̀, проведеніе фонетическаго принципа требуетъ употребленія буквы «ё» (что̀, впрочемъ, можно и не считать новымъ дополненіемъ азбуки) и еще введенія особой буквы для своеобразнаго согласнаго звука, средняго между г и х, произносимаго въ словахъ «Господь» «благо», въ косвенныхъ падежахъ слова «Богъ» — «Бога, «Богу» , и т. д., также въ словахъ: «гдѣ, ноготь, дёготь» , и еще въ нѣкоторыхъ. Такая буква («ґ» съ прицѣпленнымъ справа къ

---

[22]). Вмѣстѣ съ твердымъ знакомъ естественно удалить въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мягкій, а именно: послѣ шипящихъ: при ч и щ (печ, вещ) ь—излишенъ, при ж и ш, выговариваемыхъ твердо (рож, плѣш), онъ неумѣстенъ. Съ другой стороны, по требованію слуха, надо ввести ь въ слова: «верьх, церьковь» , а также разрѣшить писать «перьвый» рядомъ съ «первый.—Написанія безъ конечнаго ъ допущены теперь въ одномъ отдѣлѣ газеты: «Новое Время».

серединѣ ея длиннымъ крючкомъ) ужъ и придумана для нѣкоторыхъ приспособленій русской азбуки къ языкамъ нашихъ инородцевъ и могла бы быть пущена въ общее обращеніе. Понятно, по тому же звуковому принципу, если его выдерживать вполнѣ, въ именительномъ падежѣ «Бох», въ родит. множ. ч. «блах» и въ косвенныхъ падежахъ «нохтя, нохтю» и т. д. слѣдовало бы писать не эту новую букву, а **х**.

Усвоеніе для постояннаго употребленья буквы «ё» (мною лично уже принятой) могло бы служить полезнымъ подготовленіемъ къ устраненію **ѣ**: единственнымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу этого послѣдняго является указаніе, что слова въ родѣ «свѣтъ» и «мѣра», написанныя съ буквою **е**, мы будемъ читать «свёт», «мёра»; если же мы пріучимъ себя лишь тогда произносить **е** за ё, когда на немъ стоятъ двѣ точки, то такое чтеніе станетъ невозможнымъ.—Послѣ шипящихъ **ж**, **ч**, **ш**, **щ**, для упрощенія, да и согласно выговору, слѣдуетъ усвоить себѣ **о**. Напрасно Гротъ и другіе считаютъ непозволительнымъ употреблять букву **о** въ глагольныхъ формахъ, какъ—течот, стрижот, тогда какъ допустили «жоны», хотя говорятъ «женщина»,— «чортъ», хотя говорятъ «черти». Послѣдовательное правило писать **жо**, **шо**, **чо**, **що** по слуху нисколько не затруднитъ объясненія въ исторической грамматикѣ, что нѣкогда послѣ шипящихъ нигдѣ не было **о**, а вездѣ было **е** [23]).

---

[23]). Чуть ли не лучше еще было бы ввести не «ё», а сочетанія «іо» (і въ роли согласной буквы) или йо: і-о-л-к-а или й-о-л-к-а, м-о-і-о или м о-й-о, а послѣ согласныхъ—**ьо**: л-ь-о-н, с-и-н-ь-о. Срв. «Спорные вопросы», стр. 194 и 344, а также цитованную на стр. 1, прим. 2, статью, стран. 4 и 6 (361 и 363).—Знакъ «ё» (ужъ не го-

Переходя отъ состава азбуки къ самому правописанію, напомню прежде всего объ уже высказанномъ мною желаніи, чтобы писали вмѣсто **Ш-И**, **Ж-И**—**Ш-Ы**, **Ж-Ы**. Разумѣется, тогда надо также писать постоянно **Ц-Ы**, напр. медицына, Цыцерон и т. п., за исключетѣхъ случаевъ, гдѣ **И** оправдывается произношеніемъ— я говорю о произношеніи и соотвѣтственномъ написаніи: «лекция, Франция», рядомъ съ «лекцыя, Францыя». Въ слогахъ **ЧИ**, **ЩИ**, гдѣ слышится не прямо **Ы**, а широкое **И**, смахивающее на **Ы**, я предложилъ бы писать **і** (равное французскому и нѣмецкому і, произносимому нѣсколько тверже нашего); въ такомъ же значеніи **і** могло бы пригодиться и въ началѣ словъ, примыкающихъ къ твердому окончанію предыдущаго слова, напр. «ива», съ восьмеричнымъ **И**, но «об івѣ» съ десятиричнымъ. Понятно, при такомъ пріемѣ **і** не можетъ играть роли согласной буквы, каковая предположена для нее на стран. 37, прим.

Рѣшительно я стою за опущеніе нѣмыхъ буквъ. Значитъ, «прелесный» безъ **т**, «позній» и «серце» безъ **д**, «сонце» безъ **л**. Что этимъ не порвется связь со словами «прелесть, опоздать, сердечный, солнышко», явствуетъ изъ прежнихъ указаній (стр. 20—22); очевидно также, что этимологическое отношеніе между приведенными парами словъ выяснится при занятіяхъ старо-церковнымъ языкомъ, гдѣ выпавшіе у насъ звуки

воря объ і-о, й-о и ь-о), понятное дѣло, долженъ бы допускаться и въ пришлыхъ словахъ, напр. мильён, почтальён, грацьёзный, библётека, мэр, сабаён. Употребленіе въ иностранныхъ словахъ русской буквы «ё» въ сущности нисколько не страннѣе употребленія въ нихъ славяно-русскихъ буквъ **ь** и **ъ**.

имѣли за собою гласный звукъ ь. Сошлюсь однако и на то́, что поляки, несмотря на прилагательное serdeczny, преспокойно выпускаютъ d въ словѣ serce. Да и мы пишемъ же «гончаръ» вмѣсто «горнчаръ», не смущаясь родственнымъ словомъ «горшокъ», равно какъ «хлеснуть» рядомъ съ «хлестать». Лишнія буквы несомнѣнно затрудняютъ не только письмо, но и чтеніе: по крайней мѣрѣ у меня одинъ мальчикъ, набравъ с е-р-д-ц-е, прочелъ это «се́рдится». Къ числу словъ съ нѣмою буквою принадлежитъ и моя собственная фамилія. Не слѣдуетъ ли, спрашивается, по полицейскимъ и правовымъ соображеніямъ, сохранить для фамилій традиціённое начертаніе, значитъ, въ данномъ случаѣ удержать букву «де», или, употребляя славянское названіе, «добро»? Мнѣ кажется, что единственнымъ вредомъ отъ устраненія этой буквы была бы утрата возможности каламбурить насчетъ однофамильцевъ, слѣдующихъ болѣе простой орѳографіи,—что въ тѣхъ Брантахъ нѣтъ добра—ни одинъ крючкотворецъ не рѣшится утверждать, что «профессоръ Московскаго университета Романъ Ѳёдоровичъ Брантъ», написанный черезъ т вмѣсто дт, не авторъ настоящаго разсужденія, а другое лицо; если же кто нибудь по ошибкѣ назоветъ меня «провизоромъ Иваномъ Ѳёдоровичемъ Брандтомъ», то и написаніе черезъ дт не послужитъ къ выясненію дѣла.

Отмѣнить мнѣ хотѣлось бы также (и помимо введенія вполнѣ фонетическаго письма) начертаніе мѣстоименій «кто» и «что» черезъ к и ч, отзывающееся иногда и въ произношеніи крайне безобразными «к-то» и «ч-то». Вѣдь связь съ косвенными падежами «кого, чего» и т. д. въ общемъ всякому ясна, а насчетъ подробностей мы все-равно нуждаемся не въ орѳографическомъ намекѣ, а въ толкованіи (Вообще исторія словъ

вовсе не такая простая вещь, чтобы ей можно было обучать какими-то намеками).

Очень тоже нехорошо, опять-таки отзывающееся подчасъ манернымъ произношеніемъ, употребленіе у прилагательныхъ окончаній -кій, -гій, -хій: «маленькій, пѣгій, ветхій». Обычай этотъ возникъ такимъ образомъ, что стали писать на церковный ладъ (вмѣстѣ съ тѣмъ довольно близко къ произношенію) «добрый, полезный», а послѣ гортанныхъ вмѣсто буквы **ы** по общему правилу употребили **і**. Какъ же писать? Для приблизительной передачи выговора (для точнаго воспроизведенья котораго понадобилось бы ввести новую букву) лучше всего **ы**, можно бы также **а**, а по русской этимологіи—нужно **о**, что̀ явствуетъ изъ ударяемыхъ окончаній какихъ-нибудь «морской, тугой и лихой». Та́къ и писалъ Ломоносовъ. Въ связи съ этимъ слѣдовало бы употреблять окончаніе ой и въ прилагательныхъ «доброй, полезной» и т. д. Теперешнее правило ставить **о** лишь подъ ударе́ніемъ, хотя и хорошо тѣмъ, что указываетъ на мѣсто ударенія, этимологически никуда не годится, такъ какъ заставляетъ насъ вмѣсто одного суффикса «ой» (постаринному—**ыи** или—**ъи**) говорить о двухъ. Старательный, но къ сожалѣнію плохо подготовленный, изслѣдователь русскаго ударенія г. Шарловскій, подъ вліяніемъ этой орѳографіи, открылъ въ русскомъ языкѣ «законъ», что окончаніе -ой всегда принимаетъ ударе́ніе, а -ый—никогда.

Къ области неразумнаго произвола относится и правило писать во множественномъ числѣ прилагательныхъ въ мужескомъ родѣ—е, а въ женскомъ и среднемъ—я: «добрые и -ыя, синіе и -ія», совсѣмъ не допуская господствующаго въ произношеніи -и: «добрыи,

синіи» [24]). «И» есть древнее окончаніе мужескаго рода, перенесенное и на остальные роды: Тредьяковскій отчасти былъ правъ, когда предлагалъ употреблять это третье окончаніе именно для мужескаго рода, е (собственно -ѣ) изстари свойственно женскому роду, а въ винительномъ падежѣ также мужескому, -я, должно-быть, заимствовано изъ церковнаго языка, или же это простонародное, акальское, произношеніе вмѣсто -е, -ѣ.

Предусмотрѣвъ уже ранѣе возможность при введеніи звукового письма разныхъ уступокъ обычаю, я однако думаю, что такія уступки никакъ не должны покоиться на основаніяхъ, лежащихъ внѣ даннаго, живого языка: требовать ото всякаго грамотнаго человѣка справокъ съ иностранными языками или хоть бы съ исторіей и діалектологіей русскаго—совершенно неразумно (Столь же неразумно требовать механическаго усвоенія правилъ, выработанныхъ на такихъ основаніяхъ другими). Поэтому я допускаю напр. написаніе «сильн-ово» вмѣсто «сильн-ава» (что оба несовсѣмъ явственныхъ **а** въ окончаніи произошли изъ **о**, легко можетъ быть выяснено сравненіемъ со словами «зло́во» и «тово́»), но протестую противъ употребленія здѣсь буквы **г**, на которую въ нашемъ произношеніи ничто не указываетъ.—Повторяю, я только мирюсь съ присутствіемъ нѣкотораго этимологическаго элемента въ орѳографіи, а отнюдь ему не сочувствую: по-моему, при писаніи чего бы то ни было, вниманіе наше должно быть обращено на смыслъ и на ясное его выраженіе, а думать о бук-

---

[24]) Находясь подъ вліяніемъ письма, я самъ прежде не замѣчалъ обычности послѣдняго окончанія, и считалъ его провинціализмомъ. См. переводъ «Сравнительной морфологіи» Миклошича, стр. 452, прим. 2.

вахъ—значитъ отвлекаться въ сторону. Право, не уподобляемся ли мы сумасшедшимъ, когда изъ-за орѳографіи слова «голова», по поводу фразы: «у меня голова кружится», припоминаемъ, что «голову можно съ насъ снять» и что насъ можно» погладить по головкѣ»? [25]).

Въ области слитнаго и раздѣльнаго писанія словъ фонетическій принципъ клонится къ предпочтенію писанія слитнаго. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы задаемся вопросомъ, слить ли, или же раздѣлить, мы посягаемъ на раздѣленіе того, что въ произношеніи несомнѣнно сливается. Въ теоріи я иду такъ далеко, что вполнѣ сочувствую писцу «Остромирова евангелія», дьякону Григорію, когда онъ пишетъ въ одно: «бѣстьчловѣкъпосъланъотъбога», и, поставивъ затѣмъ точку, опять объединяетъ такимъ же образомъ выраженіе: «имаѣмоу нолнъ»—тутъ вѣрно схвачено дѣйствительное расчлененіе живой рѣчи, а наше раздѣленіе на слова подобно живописи, которая вмѣсто цѣльныхъ тѣлъ стала бы изображать отдѣльныя туловища, го́ловы, ру́ки и но́ги. Дополненное знаками ударенія и нѣкоторыми знаками препинанія для выраженія интонаціи, старинное слитное письмо представляется мнѣ идеальнымъ [26]).

Тотъ же фонетическій принципъ относительно прописныхъ буквъ, такъ какъ имъ ничего не соот-

---

[25]) Совершенно неосновательно Гротъ («Спорные вопросы», стр. 182) утверждаетъ, будто «естественно при письмѣ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго слова».

[26]) Звуковое письмо, понятное дѣло, должно быть сопряжено съ частымъ (если ужъ не съ постояннымъ) употребленіемъ ударенія: я считаю большою ошибкой, что при введеніи гражданской азбуки было устранено обычное въ церковномъ письмѣ обозначенье ударенія. Главная опасность

ствуетъ въ произношеніи, требуетъ, чтобы ихъ вовсе не употребляли. Только въ началѣ рѣчи, какъ знакъ предшествующей паузы, не достаточно ясно обозначаемой мало замѣтною точкой, большія буквы находятъ себѣ разумное оправданіе. Пойдя и въ этомъ дѣлѣ на уступки и соглашаясь допустить прописныя буквы, конечно, должно писать ихъ какъ можно рѣже и въ случаѣ колебанія всегда выбирать строчныя.

Насчетъ переноса звуковой принципъ ведетъ къ положенію, что слова, составляющія неразрывныя цѣлости, совсѣмъ не подлежатъ раздвоенію, а если ужъ приходится ихъ дѣлить, то нѣтъ никакой надобности принимать во вниманіе какое-то, возможное, но въ произношеніи вовсе не существующее, раздѣленіе на слоги, ни тѣмъ менѣе составъ слова. Мы вѣдь переносимъ въ виду невозможности уписать въ той же строкѣ, а не съ цѣлью выказать свои грамматическія познанія. Неудобства отъ свободнаго переноса (кромѣ того, что онъ на первыхъ порахъ будетъ непривычнымъ) не произойдетъ никакого: умѣющій порядочно читать не останавливается на переносныхъ черточкахъ, а прямо скачетъ на слѣдующую строку; читающій же плохо всякимъ переносомъ затруднится (Въ книгахъ для начальнаго и народнаго чтенія не мѣшало бы по возможности избѣгать переноса). Наши переносныя правила иногда очень стѣснительны. Пришлось напр. въ концѣ строки слово

при встрѣчѣ съ непривычными написаніями заключается именно въ томъ, что въ нихъ легко погрѣшить насчетъ ударенія: произнесши «сла́ва ма́и», мы можемъ не узнать въ акальскомъ написаніи простого сочетанія «слава́ май»; произнесши «иженаста̀вить», мы можемъ извратить смыслъ слитнаго написанія «йженаста́вить».

«художественный». Я написалъ «художе», и у меня остается свободное мѣсто, котораго однако недостаточно для 5-ти буквъ с-т-в-е-н. Какъ тутъ извернуться? Особенно часто такія затрудненія возникаютъ при типографскомъ наборѣ, а еще чаще при машинномъ письмѣ: въ послѣднемъ концы строкъ, если не нарушать переносныхъ правилъ, выходятъ до безобразія неровными. Да и при обыкновенномъ письмѣ, гдѣ всегда есть возможность потѣснить или же разогнать, забота объ этомъ отвлекаетъ насъ отъ болѣе важныхъ соображеній. Изо всѣхъ переносныхъ правилъ разумнымъ мнѣ представляется только запрещеніе переносить одну букву: послѣдняя несомнѣнно можетъ умѣститься, если умѣщается переносная черточка. Но даже одну букву, когда за нею слѣдуетъ знакъ препинанія, позволительно переносить. Ко сказанному я не прочь прибавить совѣтъ (рѣшительно расходящійся съ теперешнимъ обычаемъ) не переносить такъ, чтобы въ началѣ строки получалось цѣльное слово, напр.: «онъ вы спрашиваетъ ее»: тутъ при бѣгломъ чтеніи легко перескочить черезъ предлогъ и исказить оттѣнокъ рѣчи. Въ другихъ случаяхъ можетъ появиться неумѣстный комизмъ, если напр. «негодующія уста», по винѣ переноса, превратятся въ «дующія». Подчасъ возможны и прямыя недоразумѣнія: я разъ, при поспѣшной справкѣ, чуть было не приписалъ одному ученому мнѣнія, противоположнаго его дѣйствительному, вслѣдствіе того, что прочиталъ у него въ началѣ строки «справедливо», передъ чѣмъ однако въ предыдущей строкѣ стояло отрицаніе «не-» [45]). Въ предупрежденье такихъ

[45]) Этотъ случай можно вмѣстѣ съ тѣмъ истолковать въ пользу постояннаго сліянія отрицанья съ отрицаемымъ словомъ, хотя бы то былъ и глаголъ, каковой пріемъ могъ

неловкостей можно рекомендовать употребленіе черточки не только въ концѣ строки, но еще и въ началѣ слѣдующей.—При сохраненіи переносныхъ правилъ, я отмѣнилъ бы вызванный стремленіемъ ко внѣшней симметріи обычай изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ одну оставлять, а другую переносить, напр.: «стран-ный, сум-ма, труп-па»: двѣ согласныя буквы, обозначающія одинъ усиленный звукъ, напротивъ того, должны бы скорѣе быть неразрывными. [46]).

Что̀ касается знаковъ препинанія, то фонетическое письмо естественно является врагомъ запятой, когда она не обозначаетъ никакой остановки, а искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія, напр.: «онъ (запятая) конечно (запятая) этого (запятая) ни въ какомъ случаѣ (запятая) не сдѣлаетъ». При большомъ количествѣ запятыхъ связная рѣчь распадается на клочки. Желательнымъ дополненіемъ по этой части

бы быть усвоенъ и помимо введенія вполнѣ фонетическаго письма. Гротово опасеніе, что тогда придется загромождать наши словари такими словами, какъ «небыть, незнать, неходить», насъ не должно смущать, да оно и опровергнуто уже практикою чеховъ. Слѣнье отрицанія съ глаголомъ было принято А. Аѳ. Потебней и возобновлено приватъ-доцентомъ того же Харьковскаго университета Борисомъ Михайловичемъ Ляпуновымъ.

[46]) Замѣчу здѣсь кстати, что при сближеніи письма съ выговоромъ количество удвоенныхъ буквъ уменьшится: такъ въ усвоенныхъ словахъ: «бал» (множественное число «ба́лы»), «професор», удвоеніе не оправдывается произношеніемъ; да и для нѣкоторыхъ славяно-русскихъ окончаній, а именно: -анный и -енный, въ сомнительныхъ случаяхъ (напр.: сдѣланный, торжественный), даже при полуэтимологической ореографіи, должно бы предпочесть болѣе простое написаніе.

я считаю усвоеніе испанскаго обычая ставить вопросительные и восклицательные знаки не только позади вопроса и восклицанія, но и спереди (въ опрокинутомъ видѣ). Такое предварительное указаніе на интонацію особенно полезно тогда, когда вопросъ или восклицаніе представляютъ цѣлыя, довольно длинныя предложенія. Хорошо бы еще ввести особый сократительный знакъ: обозначать недоконченность тою же точкой, которая означаетъ остановку, законченность—крайне нелогично [47]).

Жалобу на затруднительность нашего правописанія часто стараются отпарировать ссылкою на бо́льшую еще неудовлетворительность правописаній французскаго и англійскаго [48]), которая однако не побуждаетъ французовъ и англичанъ къ фонетической реформѣ. Но отчего бы намъ хоть въ чемъ-нибудь не опередить другіе народы? При томъ у французовъ и англичанъ подымался-таки вопросъ о такой реформѣ [49]), проведеніе каковой у нихъ несомнѣнно гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ. Начертаніе русскаго слова «подходъ» въ видѣ п-а-т-х-о т понятно всякому, кто только соблаговолитъ въ него вдуматься, а француза, напр. опущеніе нѣмого e на первыхъ порахъ, дѣйствительно затруднитъ: если

---

[47]) Нѣкоторую услугу при сокращеніи намъ оказываетъ буква ъ: благодаря правилу обрывать слова на согласныхъ буквахъ, отсутствіе ъ ясно указываетъ на недописанность. Не скрывая этой пользы, приносимой нашимъ дармоѣдомъ, оговорю однако, что польза эта не велика.

[48]) Хотѣлось бы писать «аглицкій»: написаніе «англійскій» при выговорѣ «а́глицкой», это—ужъ слишкомъ «по-англійски».

[49]) См. у Грота, «Спорные вопросы», стран. 153—163.

мы ему слово rose напишемъ r-o-z, то онъ прочтетъ его ro и не пойметъ; если мы слово mine напишемъ m-i-n, онъ прочтетъ mę и опять-таки придетъ въ недоумѣніе. Англичане насчетъ гласныхъ буквъ до того запутались, что нормальнымъ выговоромъ буквы **a** имъ представляется **e**, нормальнымъ выговоромъ **e**—**i**, нормальнымъ выговоромъ **i** — **ай**. Приведу, какъ поучительный примѣръ, анекдотъ о переселившемся въ Англію нѣмцѣ Абелѣ. Этотъ Абель замѣтилъ, что англичане называютъ его «мистръ Эблъ», и сталъ писать вмѣсто A—E. Тогда тѣ начали называть его «мистръ Иблъ». Онъ усвоилъ себѣ орѳографію черезъ I, и они вновь переименовали его—въ «мистра Айбла». Наконецъ, покладистый переселенецъ рукой махнулъ и вернулся къ буквѣ A, предоставляя читать ее, какъ угодно [50]).— Важное достоинство англійскаго письма иногда усматриваютъ въ томъ, что оно облегчаетъ изученіе англійскаго языка иностранцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, напр. историческое имя «Цезарь» намъ сразу понятно на бумагѣ, будучи написано такъ же, какъ по-латыни, а становится неузнаваемымъ въ произношеніи «Сизр». Однако 1) при установленіи правописанія надо заботиться не объ иностранцахъ, а о туземцахъ; 2) людей, при-

---

[50]) Если не произвести своевременно реформы правописанія, и на Руси когда-нибудь дойдутъ до подобныхъ чудачествъ: уже теперь начертаніи «злаго» вм. «злова», «сошьешь» вм. «сашйош» вполнѣ достойны англійской грамоты. Курьёзъ въ этомъ же родѣ представляетъ окончаніе -ться (хвалиться), мягкое на письмѣ, а твердое въ рѣчи, вслѣдствіе чего для передачи дѣйствительно мягкаго малорусскаго окончанія понадобилось иное обозначеніе: -цця—«хвалйцця».

ступающихъ къ изученію англійскаго языка съ знаніемъ трехъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и латинскаго, не особенно много, и 3) вовсе не слѣдуетъ поощрять такихъ людей къ поверхностному ознакомленію съ языкомъ, безо всякаго понятія о его произношеніи. Если же учиться произношенію, то фонетическое письмо будетъ облегченіемъ и для иностранцевъ; что́ же касается до полезной для иныхъ этимологіи, то она можетъ преподаваться такимъ лицамъ въ видѣ теперешнихъ правилъ чтенія, только иначе изложенныхъ: теперь намъ говорятъ: «пишутъ Caesar, а читаютъ Sizr»; тогда скажутъ: «произносятъ и пишутъ Sizr, но по законамъ англійской фонетики это произошло изъ Caesar». Сказанное только что объ англійскомъ письмѣ можетъ служить отвѣтомъ также на возраженіе, будто введеніе въ русскій языкъ звукового письма затруднитъ изученіе его другимъ славянамъ.

Отчего жъ однако въ пользу орѳографическаго обычая раздаются нерѣдко голоса серьёзныхъ и почтенныхъ филологовъ? Не думайте, милостивые Государыни и Государи, чтобы это вытекало изъ какихъ-нибудь глубоко научныхъ соображеній: просто-напросто всякій филологъ, наравнѣ со всѣми, привыкъ къ ходячему правописанію [51]); кромѣ того, при занятіи славянскою грамматикой и рукописями естественно развивается пристрастіе къ буквамъ ѣ и ъ—и самъ я, признаться, чувствую къ нимъ нѣкоторую нѣжность. Но тѣмъ вѣс-

---

[51]) Мнѣ и самому легче писать обычнымъ правописаніемъ, чѣмъ своимъ упрощеннымъ; да вѣдь я хлопочу не для себя: я-то могу надѣяться, что даже допущенная мною въ какомъ-нибудь словѣ безграмотность сойдетъ за плодъ ученыхъ изслѣдованій.

че, полагаю, мое мнѣніе, что въ русскомъ письмѣ этимъ буквамъ не мѣсто.

Ка́къ же можно бы ввести новое правописаніе? Дѣло едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбудить раздраженія и рѣзкаго отпора [52]). Какъ въ жизни, такъ и въ школѣ слѣдовало бы провозгласить терпимость къ обоимъ правописаніямъ, а со временемъ старое само собой отошло бы въ область преданія [53]). Теперь, обучая дѣтей письму, конечно приходится учить ихъ общепринятой орѳографіи, да и въ собственной практикѣ нельзя вполнѣ проводить свою теорію. Я лично даже въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», гдѣ это было бы возможно по характеру журнала и подготовленности читателей, позволялъ себѣ лишь немногія отступленія отъ обычая; въ изданіяхъ своихъ стихотвореній, чтобы не отпугнуть публики и не соблазнить юношества, я ограничивался введеніемъ буквы «ё»; а въ оффиціяльныхъ бумагахъ ужъ и подавно нельзя нарушать традиціённаго письма, отступленія отъ котораго, хотя въ сущности безвредныя, могли бы считаться въ нихъ нарушеніемъ приличій, въ родѣ того, какъ если бы я явился читать свою лекцію въ халатѣ.

---

[52]) Такъ и поступили французы, у коихъ теперь (въ 1900 году) разрѣшена министерствомъ народнаго просвѣщенія новая, чуть-чуть упрощенная, орѳографія на ряду со старой.

[53]) И помимо крутыхъ перемѣнъ нужно бы побольше терпимости относительно орѳографіи—по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы обязывать преподавателя называть въ одномъ заведеніи правильнымъ то́, что̀ въ другомъ признается ошибкой (напр. гротовское «итти» съ двумя «т»).

Вполнѣ понимая необходимость нѣкоторыхъ уступокъ давнишнимъ привычкамъ, вполнѣ сознавая трудность осуществленія фонетическаго идеала, я все-таки рѣшительно утверждаю, что для непредубѣжденнаго филолога этимологическое правописаніе вовсе не преисполнено научности, а—надутаго невѣжества, и что, если бы спокойная наука была способна къ такимъ чувствамъ, она могла бы смотрѣть на это письмо не иначе, какъ съ презрѣніемъ и съ ненавистью.

Дополнительный экскурсъ о буквѣ Ѣ.

Въ виду помѣщенныхъ въ III-мъ выпускѣ «Филологическихъ Записокъ» за 1900 годъ замѣтокъ въ пользу ѣ-тя г.г. Д. Н. Ѳомина («Нужна ли буква «ять»?») и редактора журнала Сергѣя Никаноровича Прядкина («Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ буквы ѣ»), считаю нужнымъ прибавить къ сказанному выше еще слѣдующія указанія по вопросу объ устраненіи этой буквы.

Ссылка въ пользу ѣ на авторитетъ Ломоносова, Гильфердинга и покойнаго академика Грота не убѣдительна: весьма заслуженныя въ другихъ отношеніяхъ, эти лица не были однако настоящими филологами-языковѣдами (Ломоносовъ и не могъ имъ быть, развѣ что самъ бы сдѣлался основателемъ сравнительнаго языковѣдѣнія). Алексѣй же Ивановичъ Соболевскій только отмѣчаетъ факты и вовсе не ставитъ вопроса о полезности или вредности буквы ѣ въ современномъ письмѣ; а естественный выводъ изъ его указаній, что встарину былъ особый звукъ ѣ, котораго теперь нѣтъ, и что мы нерѣдко пишемъ ѣ и е наперекоръ этимологіи,—отнюдь не въ пользу ѣ-тя. Да и вообще не слѣдуетъ увлекаться авторитетными именами: даже самый основательный человѣкъ иныхъ вопросовъ могъ коснуться только слегка и судить о нихъ нѣсколько поверхностно.

Доказательства существованія въ современномъ языкѣ звука ѣ основаны на пренебреженіи историческою перспективой. Въ русскомъ языкѣ никакого смягченія, при коемъ могло бы сказаться присутствіе ѣ-тя,

не происходитъ: слоги **ке, ге, хе, ки, ги, хи** вполнѣ обычны (вѣдь возникли, подъ вліяніемъ другихъ, никогда не смягчавшихъ падежей, формы: «въ рукѣ, на ногѣ, въ грѣхѣ», и не чувствуется ни малѣйшаго поползновенія превратить пришлыя слова «кегли, багетъ, химія» въ «чегли, бажетъ, шимія» и т. п.), а замѣна **к, г, х** посредствомъ **ч, ж, ш** и **ц, з, с** происходитъ лишь по преданію, какъ пережитокъ праславянскаго смягченія, иногда же—какъ заимствованіе изъ языка церковнаго. Также чередованіе гласныхъ есть дѣло преданія, и именно потому для насъ странно и непонятно: лишь при сравненіи со старо-церковнымъ языкомъ многія чередованія объясняются, а для полнаго выясненія нужно обращаться еще къ другимъ языкамъ: къ литовскому, санскритскому и т. д. Такъ, чередованіе «вздох (изъ древнѣйшаго въздъхъ), вздыхать и воздух» можетъ быть объяснено при помощи старо-церковнаго языка: смѣна звука **ъ**, бывшаго чѣмъ-то въ родѣ глухого **у**, глуховатымъ звукомъ **ы** и чистымъ **у**—довольно естественна, хотя настоящее пониманіе возможно лишь при возведеніи чередующихся здѣсь звуковъ къ дославянскимъ **ŭ** и **ū** и къ двугласному **ou** (или **eu**, **au**). Также чередованіе «мер» и «мир» (умер и умирать) объяснимо при помощи старо-церковнаго **оумьрѫ**, гдѣ имѣется ослабленіе звука **є** въ **ь**, который затѣмъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ краткаго **и**, путемъ продленія могъ дать настоящее **и**; но и тутъ толкованіе русской двойной (полногласной) и старо-церковной послѣдочной огласовки (умереть, **оумрѣти**) требуетъ привлеченія параллелей изъ родственныхъ языковъ. Что же касается до ближайшаго въ данномъ случаѣ вопроса о чередованіи **ѣ**-тя съ **и** (вѣсить, виснуть), а въ одномъ корнѣ—съ **е** (рѣчь, но реченіе), то это какъ разъ такое чередо-

ванье, гдѣ для уразумѣнія дѣла необходимо возведеніе звука и къ і долгому или къ дифтонгу ei, а ѣ—къ дифтонгу oi, въ первомъ словѣ, и къ долгому е, могшему смѣняться краткимъ,—во второмъ. Итакъ, въ начальной русской грамматикѣ (тѣмъ менѣе при обученіи грамотѣ) чередованіе гласныхъ все равно не можетъ быть истолковано, и присутствіе въ русской азбукѣ буквы ѣ этому горю не помогаетъ.—Замѣчу еще насчетъ примѣра цѣлъ и цѣловать, «каковыя слова, написанныя черезъ букву е, ничего де не скажутъ о своемъ происхожденіи», что связь между этими словами при написаніи обоихъ черезъ е будетъ столь же ясна, и что, съ другой стороны, основное значеніе глагола цѣловать вовсе не можетъ быть выведено изъ его древняго написанія черезъ ѣ, а лишь изъ древняго употребленія въ болѣе общемъ значеніи «привѣтствовать». Оговорю кромѣ того, что, хотя этимологія «цѣловать отъ цѣлъ» небезынтересна (особенно для нашего брата буквоѣда), но связь здѣсь чисто историческая, въ живомъ языкѣ уже не существующая: если бы кто-нибудь вздумалъ опредѣлить по этой этимологіи значенье нашего глагола цѣловать, то впалъ бы въ заблужденіе. Укажу далѣе на нѣсколько насильственное толкованіе слова лапа (стран. 15). Лапа нельзя роднить со словами «липнуть» и «лѣпить»—его естественная родня «лопасть», а также готское lofa ладонь, литовское lõpas заплата и литовское же lãpas листъ. Знаніе и зѣница, правда, могли бы представлять разновидности одного праязычнаго корня (безсложную gn и долгóтную gēn), но какое же у насъ право сближать столь далекія по смыслу словà? Звукъ н въ словѣ «зѣница» скорѣе принадлежитъ къ наставкѣ, а корень есть зѣ, тотъ же, что въ глаголахъ зѣвать и зіять (Ми-

клошичъ — «Etymologisches Wörterbuch» — и говоритъ здѣсь о корнѣ zê). Слово мѣлъ надо сближать или съ милъ (литовскимъ meilùs милостивый, благосклонный), приписывая ему ѣ дифтонговый (ѣ изъ oi), или же съ малъ, приписывая ему монофтонговый (ѣ изъ долгаго e), но не съ обоими заразъ. Срв. мое замѣчаніе о словахъ мѣлъ и мѣлькъ, по поводу Миклошичева «Этимологическаго словаря» («Русскій Филологическій Вѣстникъ», томъ XXII, стран. 256). Есть, правда, нѣкоторая возможность понимать «малъ», какъ праязычное mōlos, упростившееся изъ болѣе ранняго mōilos съ долготнымъ дифтонгомъ, который могъ чередоваться съ обыкновенными дифтонгами oi и ei; но для такого построенія обязательно бы подобрать доказательства изъ родственныхъ языковъ, каковыхъ, повидимому, не имѣется. Не упустимъ также изъ виду, что, если и говорить о связи между словами мѣлъ и милъ или мѣлъ и малъ, равно какъ между словами знать и зѣница, такъ о *древней* связи, въ настоящее время уже давно порванной. Сличимъ сказанное на предыдущей страницѣ о глаголѣ цѣловать и на стран. 10—11 о словахъ счастіе и тошно.

Оттѣнки произношенія слога ѣ въ словахъ пѣнить, пенять и пень (стр. 6) дѣйствительно существуютъ, но они вовсе не зависятъ отъ происхожденія звука é (узкаго e) въ первомъ случаѣ изъ ѣ, во второмъ изъ древняго e, въ третьемъ — изъ ь, а отъ положенія въ слогѣ ударяемомъ, въ предударномъ и въ конечномъ замкнутомъ (въ данномъ случаѣ — единственномъ). Сравнимъ лѣнь и олéнь (Гротовскій примѣръ), перемѣнй и воспламенй, пенять и мѣнять, пѣнить и взъерепéнить. Въ добавокъ, слова пенять и пéня чуть ли ни представляютъ ѣ:

по-сербски (у черногорцевъ) п е́ н я будетъ п и је н а.

Справедливо, что въ связи съ вопросомъ объ изгнаніи ѣ естественно поставить вопросъ объ общемъ пересмотрѣ азбуки; но все-таки не слѣдуетъ отвергать изъ-за того частныхъ упрощеній: развѣ въ другихъ областяхъ всегда производится полная ломка, а не бываетъ незначительныхъ реформъ? Установленіе же вмѣсто теперешняго употребленія ѣ другого, правильнаго, весьма трудно (рекомендовать ли, напр., въ такомъ случаѣ написаніе л ѣ т а т ь съ ѣ-темъ?) и едва ли можетъ удаться. При томъ это было бы улучшеніемъ орѳографіи съ этимологической точки зрѣнія, но не было бы упрощеньемъ. Что и за устраненіемъ ѣ-тя въ нашемъ письмѣ останутся разныя затрудненія—опять-таки справедливо, и я бы дѣйствительно считалъ идеальными написанія «по волИ», «видИть», изъ коихъ первое, можетъ-быть, даже представляетъ настоящее древнерусское и праславянское окончаніе мягкаго различія, никогда не примѣнявшееся къ твердому и не перенимавшее у него -е (-ѣ). Не настаивая на такомъ правописаніи, я однако настаиваю на положеніи, что выборъ между двумя начертаніями и и е будетъ легче, чѣмъ выборъ между тремя—и, е и ѣ.

Введенье при обученіи буквѣ ѣ какихъ-нибудь усовершенствованныхъ пріемовъ, понятное дѣло, тоже желательно, но тутъ можно надѣяться лишь на нѣкоторое облегченіе, легкимъ же это, по самому существу трудное, дѣло никогда не станетъ. Самъ я при обученіи письму держусь пріема знакомить съ корнями, представляющими букву ѣ, сначала въ такихъ производныхъ, гдѣ, передъ твердыми согласными, сохраняется слѣдъ ѣ-тя въ произношеніи, и вводить въ диктовку напр. сперва словà: с ѣ т к а, д ѣ т к и, а ужъ потомъ—с ѣ т ь и

дѣти. Но при этомъ пріемѣ пришлыя словà, какъ кадетъ, и книжныя, какъ предметъ, должны быть отмѣчаемы отдѣльно, да и туземныя, въ родѣ гордецъ--гордеца, гдѣ утратилась мягкость и даже е стало постояннымъ...

Весьма я сочувствую выставленной въ замѣткѣ С. Н. Прядкина мысли о необходимости ратовать противъ «смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ»; но я не вижу въ ней препятствія къ упрощенію грамоты, а считаю вполнѣ возможнымъ дѣйствовать (да по мѣрѣ силъ и дѣйствую) одновременно въ обоихъ направленіяхъ.

Въ заключенье этого экскурса напомню читателю о томъ, что живая разговорная рѣчь, такъ же, какъ и письменная, имѣетъ свою стройную грамматику, а эта грамматика выступала бы всего яснѣе, если бы писали такъ, какъ говорятъ. Звуковыя же написанія XX го, XXI го и послѣдующихъ столѣтій дали бы дальнимъ потомкамъ вѣрное представленіе о ходѣ развитія русскаго языка, какого не даетъ современному русскому архаизующее письмо предковъ.

ПРИБАВЛЕНЬЕ.

Положенія о правописаніи.

1) Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, то-есть проще.

2) Мы пишемъ для того, чтобы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знаніемъ грамматики.

3) Мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, слѣдовательно, естественно писать такъ, какъ говорятъ.

4) Разногласье письма съ выговоромъ обусловлено: 1) несовершенствомъ пришлыхъ, недостаточно приспособленныхъ къ даннымъ языкамъ азбукъ, 2) сохраненіемъ, по косности, начертаній соотвѣтствующихъ произношенію прежнихъ временъ, но противорѣчащихъ современному, и 3) мудрствованіемъ грамматистовъ.

5) Историческое развитіе словъ есть движеніе, а движеніе нельзя изобразить на письмѣ: орѳографія можетъ уловить только одинъ какой-нибудь моментъ.

6) Естественно брать для изображенія настоящій моментъ, развѣ что считать современный языкъ *искаженіемъ* древняго.

7) Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

8) Этимологическій элементъ допустимъ въ орѳографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающихъ къ тому неразъ противорѣчивыя данныя.

9) Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и стариннымъ, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

10) Вопроса объ отношеніи орѳографіи къ нарѣчіямъ и говорамъ незачѣмъ и затрогивать, такъ какъ нельзя придумать правописанія, при коемъ безъ знанія литературнаго языка можно бы писать политературному.

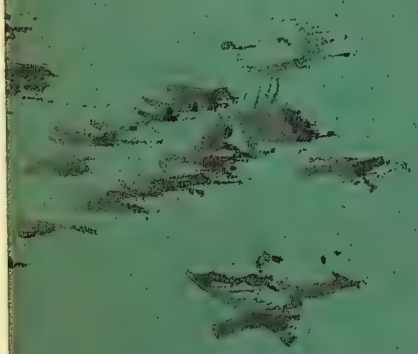
11) Сокращеніе азбуки на 3—4 буквы не слѣдуетъ считать ничтожнымъ сокращеніемъ и малымъ облегченьемъ: и 3 изъ 36 довольно большой процентъ.

12) Отмѣна нѣсколькихъ произвольныхъ правилъ не есть искаженіе живого русскаго языка, а, напротивъ того, возстановленье его въ своихъ правахъ.

13) Упростивъ орѳографію и получивъ возможность сократить занятія по ней, мы въ школѣ выиграемъ время для другихъ занятій по языку и словесности.

14) Нѣтъ никакой надобности въ полномъ единствѣ орѳографіи: разнообразіе только не должно быть столь велико, чтобы затруднять пониманіе.

15) Въ вопросахъ правописанія нельзя руководствоваться чутьемъ: тутъ намъ кажется естественнымъ и хорошимъ то, къ чему мы привыкли, хотя бы оно было во всѣхъ отношеніяхъ дурно.

16) Для усвоившихъ уже ходячую грамоту измѣненье ея представитъ (временно, а можетъ-быть и навсегда) нѣкоторое затрудненіе: упрощенье предпринимается не для нихъ, а для будущихъ поколѣній.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. №
„ „ 193 г.